

Пусть смерть меня полюбит

Автор:

[Рут Ренделл](#)

Пусть смерть меня полюбит

Рут Ренделл

Городок, в котором живет Алан Грумбридж, – глухое сонное местечко, а сам Алан – ничем не примечательный служащий банка. Его жизнь ни капли не похожа на ту, что он некогда представлял себе, читая запоем романтические и героические книги. Так бы и жить ему тихо и мирно, коротая свой век без встрясок и треволнений. Но все изменилось в один миг, когда среди бела дня в отделение банка, где он работал, вломилась грабители, захватили те деньги, которые смогли отыскать, и скрылись. Другая же часть денег осталась в сейфе, ключи от которого были у Алана. И тут Грумбридж понял: вот он, шанс изменить свою осточертевшую жизнь...

Рут Ренделл

Пусть смерть меня полюбит

Ruth Rendell MAKE DEATH LOVE ME

Copyright © 1986 by Ruth Rendell

Иллюстрация на переплете Анатолия Дубовика

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2014

* * *

Дэвиду Блэссу с любовью

При написании этого романа мне понадобилась помощь по некоторым аспектам банковского дела и огнестрельного оружия. Мне очень повезло – Джон Эшард смог просветить меня по обоим вопросам. Я чрезвычайно ему признательна.

P.P.

1

На столе перед ним лежали три тысячи фунтов. Они были разложены на тридцать пачек, в большинстве своем были пятифунтовые банкноты. Он вынул их из сейфа, когда Джойс ушла на обед, и разложил, чтобы полюбоваться ими, как любовался в последнее время почти каждый день. В сейфе лежало вдвое больше, но он никогда не вынимал более трех тысяч, потому что подсчитал, что три тысячи фунтов – как раз та сумма, которая способна купить ему свободу на один год.

С неким возбуждением, от которого перехватывало дыхание – он полагал, что большинство людей испытывает такое возбуждение при мысли о сексе, хотя никогда не ощущал этого сам, – он смотрел на деньги, переворачивал пачки, прикасался к ним. Сначала прикасался осторожно, потом твердо и властно, как будто они принадлежали ему, как будто денег у него намного больше. Он положил по две пачки в каждый брючный карман и начал расхаживать по маленькому кабинету. Затем достал свой бумажник, где лежали два фунта, вложил в него сорок и снова застегнул, оценив, насколько толще теперь стал бумажник. После этого отсчитал тридцать пять фунтов в чью-то воображаемую ладонь и произнес: «Тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять», – глядя в глаза выдуманному визави. На этом моменте он ощутил, как лицо заливает

румянец, и понял, что зашел чересчур далеко в своих фантазиях.

Он вовсе не намеревался красть эти деньги. Если три тысячи фунтов пропадут из маленького отделения, где находились только дежурный банковский служащий (вежливо именуемый менеджером) и девушка-кассир, и девушка окажется на месте, а менеджер – нет, то банку «Энглиан-Виктория» не потребуется долго вычислять преступника. Верность банку не удержала бы его от кражи, но удерживал страх быть пойманным. В любом случае ему не суждено было уехать прочь или быть свободным, он точно это знал. Пусть даже ему всего тридцать восемь лет, но его тридцать восемь были куда ближе к старости, чем тридцать восемь лет у других людей. Он был слишком стар, чтобы сбегать куда-либо.

Он неизменно обрывал свои фантазии, когда чувствовал, что краснеет. Прилив стыда напоминал ему о том, что он переступил границы, – а так всегда случалось, когда он ловил себя на том, что принимает участие в каком-то тупом представлении или даже действительно говорит вслух нечто вроде: «Это был депозитный счет, завтра утром я пришлю вам погашение на сумму пять тысяч девятьсот фунтов». В этот миг он останавливался и думал, до чего же довел сам себя и почему из-за такой совершенно абсурдной прихоти нарушает одно из священных правил банка. Вообще-то он не мог открыть сейф в одиночку: он не должен был знать комбинацию цифр, известную Джойс, а она не должна была знать ту, что передали ему. Он очень часто ощущал себя виноватым в присутствии Джойс, поскольку она-то была честна, как святая. Она сообщила ему комбинацию Б (согласно должностным обязанностям, он знал комбинацию А) после того, как он многоречиво и правдоподобно объяснил ей, что данное правило создано ради того, чтобы его нарушать, и что все без колебаний преступают этот смехотворный запрет.

Он услышал, как она возвращается с обеда, и сложил деньги в ящик стола. Джойс не полезет в сейф, поскольку у нее в кассе и так лежит пять сотен фунтов, а во второй половине дня в среду в отделение банка «Энглиан-Виктория» в Чилдоне клиенты почти не заглядывают. Все двенадцать магазинов закрывались в час дня и открывались только в половине десятого утра.

Джойс называла его «мистер Грумбридж», а не «Алан». Так она поступала потому, что ей было двадцать лет, а ему – тридцать восемь. Такое обращение должно было вовсе не выразить уважение – поскольку Джойс до такого никогда не снизошла бы, – а подчеркнуть огромную пропасть времени, разделяющую их.

Она была одной из тех, кто видит высокое достижение в том, чтобы быть молодым, как будто молодость – это хорошая работа, на которую они устроились благодаря своей предприимчивости. Но она была добра к тем, кто старше ее, или, по крайней мере, относилась к ним терпимо.

– На улице так хорошо, мистер Грумбридж, как будто уже весна.

– Уже и так весна, – ответил Алан.

– Вы понимаете, что я имею в виду. – Джойс всегда парировала этой фразой попытки указать ей на то, что она говорит штампами. – Сделать вам кофе?

– Нет, спасибо, Джойс. Лучше открой двери. Уже два часа.

Отделение закрывалось на обед. При таком количестве клиентуры держать его постоянно открытым было неоправданно. Джойс отперла тяжелую дубовую внешнюю дверь и стеклянную внутреннюю и перевернула табличку, гласившую «Касса закрыта», на другую сторону, где было написано «Мисс Дж. М. Калвер», после чего вернулась в кабинет к Алану. Оттуда при открытой двери было видно, не вошел ли кто в банк. У Джойс были очень длинные ноги и очень пышный бюст, но в остальном внешность ее была ничем не примечательна. Она примостилась на краешке стола Алана и начала рассказывать, как обедала со своим парнем в «Гербе Чилдона», и что сказал ее парень, и о том, что им не хватает денег, чтобы пожениться.

– Нам придется жить у мамы, а это неправильно – две хозяйки на одной кухне, верно? Они привыкли жить не так, как живем мы, от разрыва поколений никуда не денешься. Сколько лет вам было, когда вы женились, мистер Грумбридж?

Он хотел бы сказать «двадцать два» или даже «двадцать четыре», но не мог, поскольку она была в курсе, что Кристофер уже совсем взрослый. И, видит бог, Алан не хотел выставлять себя старше, чем есть. Он ответил правдиво, сам стыдясь этой правды:

– Восемнадцать.

– Я считаю, что для мужчины это слишком юный возраст. Девушка – одно дело, но мужчина должен быть старше. В браке приходится сталкиваться с разного рода ответственностью. В восемнадцать лет мужчина для такого еще недостаточно повзрослел.

– Большинство мужчин никогда не вырастет.

– Вы понимаете, что я имею в виду, – отозвалась Джойс.

Внешняя дверь отворилась, и девушка оставила Алана наедине с мыслями и с письмом от миссис Марджори Перкинс, которая запрашивала о переводе ста фунтов с ее депозитного счета на текущий.

Джойс знала по имени всех клиентов, которых обслуживало их отделение. Она мило поболтала с мистером Батлером, а потом с миссис Сарридж. Алан открыл ящик стола и уставился на три тысячи фунтов. Он легко мог бы прожить год на эти деньги. У него могла бы быть своя комната, он мог бы заводить собственных друзей, покупать книги и аудиозаписи, ходить в театры и есть то, что ему нравится, и не спать всю ночь, если захочется. В течение года. А потом? Когда он услышал, как Джойс разговаривает с мистером Уолфордом, чилдонским мясником, об инфляции и о том, что следует видеть разницу между тем, что есть сейчас, и тем, что было во времена его молодости – мистеру Уолфорду было лет тридцать пять, – Алан отнес деньги в комнатку между своим кабинетом и задней дверью. Сейф помещался в этой комнатке. Обе комбинации – та, что Алан должен был знать, и та, которую он знать был не должен, – хранились у него в памяти. Он покрутил цифровые замки, дверца отворилась, и Алан положил деньги к остальным трем тысячам фунтов. Прочие банкноты, находившиеся в отделении, сейчас лежали в кассах.

Как обычно, на него нахлынуло ощущение потери. Конечно, он не мог владеть этими деньгами, они не принадлежали ему, но он чувствовал себя ограбленным, когда выпускал их из рук. Он был словно любовник, которого покинула девушка, уйдя из его объятий в свою постель.

Позвонила Пэм. Она всегда звонила примерно в этот час, чтобы узнать, когда Алан будет дома – хотя он неизменно возвращался с работы в одно и то же время, – и попросить купить продуктов или забрать Джиллиан из школы. Джойс считала, что это мило – когда жена звонит мужу каждый день «после стольких

лет вместе».

В банк вошло еще несколько человек. Алан вышел из кабинета и перевернул табличку над второй кассой, так что теперь она гласила «Мистер А. Дж. Грумбридж». Он принял чек у кого-то смутно знакомого – судя по подписи на чеке, клиента звали П. Ричардсон.

– Какими банкнотами вы желаете получить деньги?

– Пять зеленых и три портрета герцога Веллингтона[1 - То есть пять купюр по 1 фунту стерлингов и три по 5 фунтов стерлингов. – Здесь и далее прим. пер.], – ответил остряк П. Ричардсон.

Алан улыбнулся, поскольку этого от него ждали, хотя ему хотелось стукнуть клиента по голове машинкой для подсчета купюр. Теперь он припомнил, что в прошлый раз в ответ на этот вопрос П. Ричардсон попросил немецкие марки.

Хватит на сегодня торговцев. Они все сдали свою выручку и отправились по домам. Джойс заперла двери в половине четвертого, и они вдвоем подвели дневной баланс и вернули деньги из касс обратно в сейф, а также проделали все прочие мелкие рутинные операции, необходимые для поддержания чести и репутации едва ли не самого маленького отделения банка «Энглиан-Виктория» на всех Британских островах. Утром, приходя на работу, Джойс и Алан вешали верхнюю одежду в стенной шкаф в его кабинете. После того как оба надели пальто, Джойс подкрасила ресницы – единственный макияж, который она наносила.

– День становится длиннее, – заметила Джойс.

Алан парковал свою машину в некоем подобии внутреннего двора на задворках банка. Дворик был огорожен характерными для Саффолка стенами из дикого камня. Это было красивое местечко – зимний жасмин уже сиял желтыми цветочками поверх стен. Банк тоже был красив – он размещался в аккуратном доме тюдоровских времен, выстроенном в форме буквы L. Машина Алана особо красивой не была – это был «Моррис 1100» 1969 года, с отломанным боковым зеркалом, и на замену этого зеркала у владельца вечно не хватало средств. Он жил в трех милях от банка в жилом массиве, возведенном десять лет назад, и дорога домой по сельским дорогам занимала всего несколько минут.

Поселок именовался Наделом Фиттона, в честь мученика, которого сожгли при королеве Марии Кровавой[2 - Имеется в виду Мария I Тюдор (1516–1558), первая коронованная королева Англии (с 1553); также известна как Мария Кровавая (или Кровавая Мэри), Мария Католичка.] в 1555 году на этом месте. Если бы преподобный Томас Фиттон принадлежал к католичеству, он был бы возведен в ранг святых, но, будучи упорным протестантом, он удостоился лишь того, что в его честь назвали полсотни краснокирпичных коробок. Дома на всех четырех улицах, составляющих жилой массив (Дорога Тюдоров, Лужайка Мученика, Тупик Фиттона и - у застройщика иссякло вдохновение - Вершина Холма), были крыты черепицей, большие оконные проемы не отличались художественным оформлением, а каминны были сделаны скорее для красоты, чем для отопления. Все жители поселка покупали деревья и кустарники для своих участков в одном и том же, весьма консервативном, садоводческом центре в Стэнтвиче и обменивались привоями и саженцами, так что у всех росли кипарисы Лоусона, золотой ракитник и вишня мелкопильчатая, а большинство людей сажали большими купами пампасную траву[3 - Вид злаков родом из Южной Америки. Цветет высокими белыми метелками, поэтому часто используется как декоративное растение.]. Это придавало поселку до странного однородный вид, и поскольку участки не были ограждены, складывалось впечатление, что это не частные дома, а жилища прислуги в некоем весьма обширном поместье.

Алан купил свой дом в конце не особо холмистой, вопреки названию, улицы Вершина Холма. Кредит на эту покупку ему выдал банк, выплаты по займу были низкими и фиксированными. Если хорошенько подумать обо всем, что происходило в его жизни, то это одна из немногих вещей, за которые он, по идее, должен был быть признателен: он выплачивал по кредиту два с половиной процента, а не одиннадцать, как другие.

Машину приходилось оставлять на подъездной дорожке, поскольку гараж, встроенный в дом согласно архитектурному плану и занимавший половину цокольного этажа, был переделан в комнату, где проживал отец Пэм. Когда Алан подъехал к дому, Пэм вышла, чтобы забрать покупки. Она была симпатичной женщиной тридцати семи лет, работала в жизни всего один год и с самого рождения жила в сельской местности. На ее губах лежал толстый слой помады, а на веках - такой же слой серебристо-синих теней. Каждые пару часов она уединялась, чтобы нанести свежую помаду, поскольку во времена ее юности бытовала мода на неизменно блестящие розовые губки. На полочке в кухне Пэм хранила ручное зеркальце, помаду, коробочку компакт-пудры и баночку теней для век. Волосы она завивала химической завивкой и носила юбки, доходящие

точно до колен, обручальное кольцо надевала вместе с венчальным и обычно носила браслет с подвесками. Выглядела Пэм лет на сорок пять.

Она спросила Алана, хорошо ли он провел день, и он ответил, что хорошо, а она? Та сказала, что все в порядке, и заговорила об ужасно высоких ценах на все, доставая из пакетов кукурузные хлопья и банки консервированного супа. Пэм всегда говорила о высоких ценах примерно в течение четверти часа после возвращения Алана домой. Он вышел в сад, чтобы как можно дольше не встречаться с тестем, и стал смотреть на подснежники и маленькие красные тюльпаны, которые в сиреновом вечернем освещении были так невыразимо прекрасны, что у него даже зануло сердце. Он горевал по ним, но почему? Алан словно бы влюбился – хотя никогда не испытывал подобного. Беда в том, что он слишком увлекался поэзией и романтическими книгами, хотя нередко сожалел об этой привычке.

На улице становилось слишком холодно, и Алан вошел в гостиную, сел и стал читать газету. Ему не хотелось этого делать, но мужчине по вечерам положено читать газеты. Иногда он думал, что и детьми-то обзавелся тоже только потому, что мужчине по вечерам положено делать определенные вещи.

Вскоре в гостиную из своей комнаты явился его тесть. Его звали Уилфред Саммит. Алан и Пэм называли его Папой, с большой буквы П, а Кристофер и Джиллиан звали дедушкой. Алан ненавидел его больше всех на свете и надеялся, что вскоре тот умрет, но это было маловероятно: мистеру Саммиту было всего шестьдесят шесть лет, и он отличался крепким здоровьем.

– Доброго вам вечера, – сказал Папа, как будто в комнате находились еще пятнадцать человек, с которыми он был не настолько знаком, чтобы обратиться к кому-либо лично. Алан поздоровался, не поднимая взгляда, и Папа уселся, но почти сразу же подпер кулаком газету с обратной стороны, вынуждая Алана опустить ее.

– Ты в порядке, а? – Будучи некогда псалмистом, Уилфред Саммит приучился к параллелизму и повторял одно и то же один-два раза подряд, в разных формулировках. – У тебя все нормально? Все в норме, точно?

– Угу, – отозвался Алан, возвращаясь к «Стэнтвич ивнинг пресс».

– Это хорошо. Это я и хотел услышать. В газете пишут что-нибудь этакое?

Алан ничего не сказал. Папа подошел ближе и стал читать последнюю страницу газеты. Согнув свое жирное тело почти под прямым углом, он изучал экстренные сообщения. Зрение у него было великолепным. Папа отметил вслух, что газета сообщает еще об одном ограблении банка, еще об одном убийстве кассира, и такого будет еще больше, помяните его слова, по всей стране, по всем городам и весям, вот увидите, что он прав, и все потому, что грабители знают – они легко отделаются, знают, что никто из них не будет повешен.

– Тут становится совсем как в Чикаго, совсем как в Америке, – вещал Папа. – Когда-то я считал, что работать в банке безопасно, и Пэм тоже так считала, но сейчас совсем другое дело, верно? Я беспокоюсь из-за того, что ты работаешь в банке, это действует мне на нервы. В любой день с тобой может что-нибудь случиться, в любой момент тебя могут пристрелить, как того парня из Глазго, и что тогда станется с Пэм? Именно об этом я все время и думаю – что станется с Пэм?

Алан возразил, что их отделение слишком маленькое, чтобы грабители банков стали себя утруждать.

– Это успокаивает, это мое единственное утешение. Я говорю себе, когда начинаю волноваться, я говорю себе: хорошо, что он так и не получил повышение, хорошо, что он не получил продвижение по службе. Лучше безопасность, чем горе, – вот мой девиз; лучше спокойно жить рядом с родными и близкими, чем рисковать своей головой ради большой пачки денег.

Алан хотел бы чего-нибудь выпить. Он знал, в основном из книг и телевидения, что очень многие, возвращаясь домой с работы, пропускают пару стаканчиков перед вечерней трапезой. Спиртные напитки у Грумбриджей в доме были. В серванте стояла полная бутылка виски, почти полная бутылка джина и очень большая бутылка хереса «Бристоль-крим», которую Кристофер приобрел в дьюти-фри на обратном пути из турпоездки по Швейцарии. Однако эти напитки были для других людей. Они предназначались для знакомых, которых Грумбриджи приглашали на вечер, по одной супружеской чете каждый раз, примерно единожды в две недели. Он прикинул, что бы сказали Пэм и Папа, если бы он поднялся и нацедил себе большой стакан виски, – именно это он с радостью сделал бы. Но дальше размышлений о подобных вещах он никогда не осмеливался заходить.

Вошла Пэм и сказала, что ужин готов. Они сели есть в той части кухни, которая именовалась обеденным уголком. На столе расположились печенка, бекон, растворимое картофельное пюре, брюссельская капуста и заварной пудинг. Когда ужин был съеден наполовину, пришел Кристофер. Он работал в агентстве недвижимости, где ему платили столько же, сколько банк «Энглиан-Виктория» платил его отцу, и отдавал матери пять фунтов в неделю за стол и проживание. Алан думал, что это смехотворная сумма, поскольку Кристофер всегда купался в деньгах, но когда он начинал спорить на этот счет с Пэм, та впадала в истерику и заявляла, что нехорошо брать вообще что-либо с собственного ребенка. У Кристофера были прекрасные модные костюмы для работы и отлично сидящие фирменные джинсы и куртки для выходных. Несколько дней в неделю по вечерам он катал девушку, которую звал своей невестой, в бар-клуб в Стэнтвиче. Клуб назывался «Агапэ»[4 - «Агапэ» – древнегреч. ?????, переводится как «любовь», однако написание латиницей (Agape) носители английского языка могут прочесть и так, как указано далее.], но его постоянные посетители произносили это как «Эгэйп».

Джиллиан еще не пришла. Пэм объяснила, что та задержалась в школьном драмкружке, а потом пойдет к Шерон выпить чаю. Алан был уверен, что дело обстоит иначе. Джиллиан где-то с парнем. Он был наблюдателен, а Пэм – нет, и по тому, что он слышал и подмечал в разные моменты, Алан знал: Джиллиан в свои пятнадцать не была девственницей, и это случилось не вчера. Конечно, он знал также, что, как ответственный родитель, обязан обсудить это с Пэм и попытаться урезонить Джиллиан – или хотя бы добиться, чтобы она принимала противозачаточные. Он был убежден, что она трахается с парнями и что все это совершенно не следует игнорировать, однако обсудить что-либо с Пэм не мог. У нее, Папы и Джиллиан было только два настроения – безразличие и злость. Если он скажет об этом Пэм, та впадет в ярость, а если он будет настаивать – хотя и представить себе подобного не мог, – она начнет орать на Джиллиан, потащит ее к гинекологу, чтобы проверить на наличие девственной плевы, или беременности, или венерических заболеваний, а то и всего сразу. Другой исход вряд ли возможен.

Несмотря на явный эгоизм и дурные манеры Кристофера, Алан питал к нему более теплые чувства, чем к Джиллиан. Кристофер был привлекателен и успешен, а кроме того, он был единственным союзником Алана в борьбе против Уилфреда Саммита. Если кто и мог заставить Папу уйти, так это Кристофер. Вот и сейчас, накладывая себе печенку, он начал изводить деда – жестоко и непредсказуемо, причем ответные удары парировал легко и просто одной-

единственной фразой: «Это же шутка!»

- Ты сегодня хорошо провел время, дедушка, верно? Водил миссис Роджерс в пивнушку, а? О тебе скоро заговорят все, это уж точно. Ты же знаешь, как тут любят поговорить и посплетничать – целый день сплошное «бла-бла-бла».

Папа был убежденным трезвенником, и его знакомство с миссис Роджерс ограничивалось тем, что однажды они обсудили на улице текущую политическую ситуацию, – однако внук был свидетелем этой встречи.

- Ты же знаешь, у нее есть муж, он служит в полиции, – продолжал Кристофер с широкой улыбкой. – Что ты скажешь, когда он обнаружит, что ты щупал ее за сельской забегаловкой? «Офицер, я немного выпил, а эта женщина соблазнила меня»?

- Иди и вымой с мылом свой грязный рот! – рявкнул Папа.

Кристофер промолвил печально и уже без улыбки, что некоторые люди не понимают шуток и что он надеется не потерять чувство юмора даже в самом преклонном возрасте.

- И ты позволишь своему сыну и дальше оскорблять меня, Памела?

- Крис, по-моему, довольно, – произнесла Пэм.

Она вымыла тарелки, а Алан их вытер. По какой-то причине сложилась такая традиция: ни Кристофер, ни Папа никогда не мыли и не вытирали посуду. Они сидели в гостиной и смотрели телевизор, где выступала рок-певица. Громкость была включена на полную мощность, поскольку Уилфред Саммит был глуховат. Он ненавидел рок, равно как и остальную музыку, кроме Веры Линн[5 - Вера Линн (р. 1917) – английская певица, популярная во времена Второй мировой войны.] и баллад наподобие «Синей комнаты»[6 - Песня из мюзикла Р. Роджерса «Подруга» (1926).] и «На цыпочках сквозь тюльпаны»[7 - Популярная песня 1930-х гг.], и сейчас сказал, что певица – невытая потаскуха, которую следовало бы выпороть; однако, когда телевизор был включен, Папа желал слушать то же, что и все. У него был большой цветной телевизор в его комнате, но было понятно, что сегодня вечером он намерен сидеть у экрана вместе с ними.

– Здесь сказано, что следующая программа не подходит для детей, – заметил Кристофер. – «Не для дошкольного и младшего школьного возраста». Так что лучше тебе пойти бай-бай, дедушка.

– Я не унижусь до того, чтобы отвечать тебе, свиненок! Я до такого не опускаюсь.

– Это же просто шутка! – парировал Кристофер.

Когда начался фильм, Алан тихонько открыл книгу. Шанс почитать у него появлялся только тогда, когда все смотрели телевизор, поскольку Пэм и Папа утверждали, что невежливо читать в присутствии людей, занятых чем-то другим. Телевизор был включен каждый вечер до ночи, так что у Алана было много возможностей для чтения. Сейчас он читал сборник Йитса – «Винтовая лестница и другие стихотворения».

2

Джиллиан Грумбридж почти два часа болталась около зала игровых автоматов в Клактоне, ожидая, когда появится Джон Перфорд. Он не пришел ни к семи, ни к восьми часам, и тогда она отправилась поездом обратно в Стэнтвич, а потом автобусом до Стоук-Милл. Джон, у которого был старый тюнингованный «Сингер», подкинул бы ее до дома, и Джиллиан куда больше злило то, что пришлось тратить на дорогу свои карманные деньги, нежели тот факт, что она ждала зря.

До этого они встречались только один раз, в прошлое воскресенье. Джиллиан подцепила Джона у игрового автомата «Фрукты» и раскрутила его отвезти ее домой в девять, потому что ей нужно было вернуться к половине одиннадцатого. Из-за этого он тут же решил, что ничего между ними не будет, но ошибся. Джиллиан была не из таких, кто любит динамит парней, и между ними было много чего: по сути дела, было всё – на заднем сиденье «Сингера» в безлюдном и неосвещенном деревенском переулочке. После этого Перфорд с изрядным удивлением и смущением услышал от Джиллиан, что она дочь банковского менеджера и живет в Наделе Фиттона. Сам Джон был сыном сельскохозяйственного рабочего, а значит, как он сам признал, она стояла куда выше его на социальной лестнице. На это Джиллиан ответила, что ее отец

работает всего лишь в крошечном отделении банка «Энглиан-Виктория» в Чилдоне, и в сейфе там лежит не больше семи тысяч, и служащих там всего двое – ее отец и кассирша, а само отделение закрывается на обед, настолько оно мелкое.

Джон высадил ее в Стоук-Милл, там, где Дорога Тюдоров ответвлялась от деревенской улицы, и спросил, не увидеться ли им еще раз, скажем, в среду? Но когда он попрощался с Джиллиан и поехал обратно, к дому своих родителей, расположенному неподалеку от Колчестера, то начал сомневаться. Она была весьма милой, но, на его вкус, слишком легкодоступной, и он сомневался, что ей семнадцать лет, как она сказала. Скорее всего, она еще не достигла возраста согласия. Этот термин позабавил Перфорда, поскольку если кто на что-то и согласился, так это он сам. В итоге, когда утром во вторник мать сказала, что если на завтра у Джона ничего не запланировано, она и отец хотели бы пойти в гости к тетушке Элси и оставить его присматривать за восьмилетним младшим братом, то парень легко согласился, рассматривая это как вполне достойный повод не поехать на свидание.

Утром того дня, на который он назначил встречу Джиллиан, Джон отвез в Лондон груз – книжные полки и тумбы для магнитофонов, – а потом решил выпить чашку чая с сэндвичем в кафе на Северной Окружной дороге. И тут вошел Марти Фостер. Они с Джоном не виделись девять лет, с тех пор как оба окончили начальную школу в Колчестере, и Перфорд не узнал бы своего однокашника с такой бородой и взлохмаченными волосами. Но Марти его узнал и подсел к нему за стол. С Фостером был высокий светловолосый парень, которого Марти представил как Найджела.

– Ну, как поживаешь, через столько-то лет? – поинтересовался Марти.

Джон сказал, что у него есть друг, столяр-краснодеревщик, и они вместе ведут дела, и все хорошо, спасибо, жаловаться не на что, по сути, всё даже лучше, чем они надеялись. Однако работа тяжелая, постоянно надо вкалывать, и он рад, что со следующей недели у него будет отпуск. Мотоциклетный журнал, который он выписывает, проводит тур в Дейтона-бич на международные мотоциклетные гонки с последующей обзорной экскурсией. В складчину арендуют самолет, и все такое. И Перфорд решил, что три недели в солнечной Флориде не повредят ему, хотя выходит в целом дороговато.

– Вот бы мне так повезло, – хмыкнул Марти. Выяснилось, что у него уже полгода нет работы и они с Найджелом живут на пособие. – Если это можно назвать жизнью, – добавил Фостер, а Найджел ввернул:

– Все равно нет никакого смысла работать. Все деньги уходят на налоги и прочую дребедень. По-моему, те парни, которые взяли банк в Глазго, поступили совершенно правильно.

– Верно, – согласился Марти.

– На такое бабло не платят налоги, – гнул свое Найджел. – Никаких тебе клятых пенсионных фондов и государственной медицинской страховки.

Джон пожал плечами:

– Даже и заморачиваться не стоит. Эти типы в Глазго взяли всего двадцать тысяч, а их ведь было четверо. А, к примеру, в отделении «Энглиан-Виктория» в Чилдоне – ну, ты знаешь Чилдон, Марти, – в сейфе хранится не больше семи тысяч. Если пара грабителей туда вломится, они получат не больше трех с половиной штук на каждого и вдобавок им придется как-то сладить с менеджером и кассиршей.

– Похоже, ты много об этом знаешь.

Перфорд понял, что произвел на них впечатление – и наличием у него работы, и относительным достатком, в котором он жил. Он не мог устоять перед тем, чтобы усилить это впечатление.

– Я знаком с дочкой менеджера; можно сказать, мы достаточно близки. Ее зовут Джиллиан Грумбридж, она живет в одном из тех современных домов в Стоук-Милл.

Марти, похоже, проникся, а вот Найджел – нет.

– Жаль, что банки не закрываются на обед, – вздохнул Фостер. – Скажем, кассирша или Грумбридж уходят на обед, ты вламываешься в отделение, и все как по маслу, денежки у тебя в сумке.

– Не будь ребенком, – возразил Найджел. – Если бы они оставили дверь открытой, а сейф – отпертым, все прошло бы как по маслу. Если бы они сказали: «Входи и забирай всё, тебе это нужнее, чем нам», – все прошло бы как по маслу. Но вся штука в том, что банки не закрываются на обед.

Джон не удержался и рассмеялся.

– Чилдонский закрывается, – пояснил он и затем подумал, что зашел слишком далеко. Размышлять в духе «если б да кабы» – для людей вроде Марти и Найджела. Сам Джон этим не страдал. «Лучше найдите честную работу», – подумал он, хотя, конечно, не высказал этого вслух. Вместо этого он стал расспрашивать Марти о бывших одноклассниках – а как тот? а что этот? – и рассказывать ему, в свою очередь, то, что сам знал о ком-либо из прежних соучеников. И так до тех пор, пока не допил вторую чашку чая и не решил, что пора ехать домой.

Гипотетическая пара грабителей, о которых рассуждал Джон, сидела с ним за одним столом.

Марти Фостер тоже был сыном сельскохозяйственного рабочего. В течение года после окончания школы он работал на фабрике по производству рисовальных кистей. Затем мать бросила его отца и сбежала с водителем-дальнобойщиком. В доме после этого стало настолько невыносимо жить, что Марти тоже сбежал и снял комнату в Стэнтвиче. Сначала он трудился водителем-доставщиком в магазине уцененных электротоваров, а затем водил электрокары с торфом и горшечными растениями в садоводческом центре – том самом, который поставлял пампасовую траву в Надел Фиттона. Оттуда Марти уволили, поскольку в ответ на жалобу клиента – мол, садоводческий центр не поставляет конский навоз, – он ответил, что, если тот желает получить дерьмо, пусть произведет его сам. После этого Марти уехал в Лондон и самовольно поселился в пустующем доме возле Килбурн-парк. Со временем его взяли на работу – паковать зонтики в магазине на Оксфорд-стрит, и именно там он познакомился с Найджелом Таксби. К тому моменту Фостер снимал комнату с кухней на задворках Криклвуда, и его целью было уволиться с работы и начать жить на пособие.

Найджелу Таксби, как и Марти, было двадцать один год. Он был единственным ребенком врача, занимавшего должность семейного доктора в Элстри. Найджел учился в захудалой частной школе, поскольку отец хотел, чтобы сын вырос джентльменом, но при этом не желал платить слишком много. Преподавали в школе выпускники третьесортных университетов или бакалавры без отличия, чаще всего не имевшие педагогической подготовки, а мебель в классах была старой и изрядно покалеченной. По сути, это заведение сильно напоминало «Академию Дотбойс-Холл»[8 - «Академия Дотбойс-Холл» – частная школа для мальчиков в произведении Чарльза Диккенса «Николас Никльби», по суровости обращения с учениками сильно напоминает тюрьму.]. Несмотря на то что от каникул до каникул Найджел жил на тушеной жесткой баранине, подгнившей картошке, гороховом пюре и хлебе, он вырос высоким и красивым. К тому времени, как усиленная зубрежка, угрозы отца и слезы матери помогли ему поступить в Кентский университет, рост его уже превышал шесть футов[9 - Т. е. около 180 см (1 фут равен 30,48 см)]. Белокурые волосы, синие глаза и черты микеланджеловского Давида неизменно привлекали к нему взоры окружающих. Но в Кентербери что-то щелкнуло в мозгах у Найджела. Он не желал работать, не желал учиться. Он вбил себе в голову, что если будет стараться и в конце концов получит диплом, то, скорее всего, не найдет работу. А если найдет, то все, что из этого получится, – это дом, как у его родителей, семейные отношения, как у его родителей, новая машина каждые четыре года и, возможно, ребенок, которому придется вдалбливать бесполезные знания и бессмысленные стремления. Поэтому Найджел ушел из университета до того, как администрация учебного заведения успела попросить отца забрать его.

Молодой человек уехал в Лондон и поселился в некоем подобии коммуны. Этот дом несколько лет назад был выделен Королевским округом Кенсингтон и Челси четверке молодых людей, с тем чтобы они использовали его как центр групповой терапии. Так некоторое время и было, но молодые люди перессорились и съехали поодиночке, оставив в доме бывших пациентов центра, многие из которых были откровенным отребьем. Оставшись без присмотра, те содрали обивку со стен в комнате для занятий, отказались от вегетарианской диеты и начали приводить сюда своих парней, девушек, а иногда и детей от прошлых браков и романов. Кто-то постоянно приходил и уходил, люди вселялись на неделю или месяц и снова выселялись, вносили арендную плату или не вносили. Найджел попал сюда потому, что знал человека, который жил здесь и тоже в свое время был отчислен из Кентского университета.

Сначала у Таксби не особо-то ладилось с системой, выдававшей социальные пособия, и он решил, что должен найти работу, поэтому тоже пошел паковать

зонтики. Марти Фостер просветил его во многих вещах, хотя Найджел считал себя гораздо умнее приятеля. Одним из того, в чем Марти наставил его на ум, был факт, что глупо паковать зонтики, когда кто-то получает деньги на жилье и еще что-то сверх того, не делая ничего. К тому времени, как в Нисдене им встретился Джон Перфорд, Марти жил в Криклвуде, а Найджел иногда обитал в Криклвуде с Марти, а иногда в Кенсингтонской коммуне, и оба смутно и нерегулярно подумывали о том, как бы им начать вести преступную жизнь.

– Как сказал твой дружок, оно не стоит того, чтобы напрягаться, – хмыкнул Найджел. – Это за семь-то штук!

– Да, но взгляни на это так: всегда нужно начинать с малого, – возразил Марти. – Это будет что-то вроде обучения. Все, что нам нужно, – это угнать автомобиль. Я легко могу это сделать. У меня есть связка ключей, среди которых можно подобрать нужный к любому «Форду Эскорт», понимаешь?

Найджел обдумал его слова и спросил:

– А ствол ты достать можешь?

– У меня он есть. – Марти некоторое время наслаждался потрясенным выражением на лице Найджела. Нечасто ему удавалось произвести на приятеля такое впечатление. Однако он был достаточно сметлив, чтобы ставить благоразумие превыше тщеславия, и осторожно добавил: – Даже специалист не найдет различий.

– Ты имеешь в виду, что ствол не настоящий?

– Пистолет есть пистолет, верно? – И Марти пояснил с редкой для него философской глубиной мысли: – Важно не то, чем что-то является, а то, что думают на сей счет люди.

Найджел неторопливо кивнул:

– Должно получиться неплохо. Послушай, если ты реально в деле, то не помешало бы наведаться в эту чилдонскую дыру завтра и осмотреть место будущего ограбления.

У Найджела была любопытная манера речи, возникшая в результате долгих попыток отличаться от всех остальных. У него был среднеатлантический акцент, то есть нечто среднее между британским и американским английским, и говорил он, словно диктор с коммерческого радиоканала. Люди, которые не разбирались в этом, принимали его за американца. Иногда он забывался и заговаривал на культурном английском языке, который усвоил в детстве, но чаще всего болтал на смеси сленга, принятого среди престарелых хиппи в коммуне и ныне давно вышедшего из моды, и популярных фразочек, подцепленных из фильмов, которые он видел по телевизору. Что бы там ни думал Марти, на самом деле Найджел вовсе не отличался изысканностью. Отец Марти говорил с саффолкским произношением, но мать его была из кокни[10 - Кокни – коренные уроженцы Лондона.]. Сам Марти говорил как истинный кокни, но в речи его, как у уроженца Восточной Англии, проскальзывали слабо выраженные гласные, а порой он проявлял истинно саффолкскую манеру демонстративно употреблять «сие» вместо «это».

Видя, что Марти настроен серьезно или «реально в деле» относительно попытки напасть на чилдонский банк, Найджел отправился в Элстри, намеренно выбрав тот час, когда отец принимал пациентов в своем кабинете, и позаимствовал у матери в долг двадцать фунтов. Миссис Таксби плакала и говорила, что Найджел разбивает сердца своих родителей, но он убедил ее, что деньги нужны ему на поезд до Ньюкасла, где его ждет работа. Час спустя – это был четверг и последний день февраля – они с Марти сели на поезд до Стэнтвича, а затем на автобус, который в полдень прибыл в Чилдон.

Они начали разведку с того, что прошлись вдоль дороги на задах здания банка «Энглиан-Виктория». В каменной стене они заметили пролом, ведущий в маленький двор, и сквозь этот пролом увидели машину Алана Грумбриджа, стоящую во дворе. С одной стороны ко двору примыкало строение, похожее на заброшенный амбар, а с другой – небольшой яблоневый сад. Марти в одиночку обошел здание и осмотрел его спереди. Ближайший из двенадцати магазинов располагался в доброй сотне ярдов[11 - Ярд равен 0,91 м.] от банка. Напротив отделения была методистская часовня, а рядом с нею – только поля. Марти вошел в банк.

Над одной кассой красовалась табличка «Мисс Дж. М. Калвер». Сидящая за этой кассой девушка отсчитывала монеты в пластиковые пакетики, болтая с посетителем о том, какая славная погода стоит на улице. Другая касса, с табличкой «Мистер А. Дж. Грумбридж», была открыта, но за ней никого не было.

Марти подошел туда и стал смотреть сквозь открытую настежь дверь на маленький кабинет. В кабинете за столом мужчина – видимо, мистер Грумбридж – склонился над столом. Марти стал гадать, где установлен сейф. Видимо, за той закрытой дверью в противоположном конце кабинета. Второго этажа в здании не было. Когда-то был чердак, но затем потолок разобрали, и теперь можно было видеть изнанку покато́й уступчатой крыши, выкрашенную в белый цвет, и выставленные напоказ балки. Марти решил, что увидел достаточно, и собирался уже уходить, но тут человек в кабинете, похоже, наконец-то заметил его. Банковский служащий встал из-за стола, повернулся и подошел к металлической решетке кассы; проделывал он все это, не глядя на Марти. Так же, не поднимая взгляда и неотрывно уставившись на стойку кассы, он пробормотал «доброе утро». Марти нужно было придумать, что сказать, поэтому он попросил разменять фунтовую банкноту на двадцать монет по пять пенсов, якобы для паркомата. Грумбридж отсчитал монеты, сначала вознамерившись придвинуть их к клиенту через стойку двумя стопками, но потом передумал и положил в пластиковый пакетик, такой же, как те, с которыми возилась девушка. Марти поблагодарил, взял пакетик с монетами и вышел.

Он жаждал выпивки и попытался убедить Найджела сходить с ним в «Чилдонский герб». Но Найджел был непреклонен.

– Выпьешь в Стэнтвиче, – сказал он. – Нам вовсе не нужно, чтобы все местные поглазели на нас разом.

Поэтому они околачивались в округе до без пяти минут часа. Затем Найджел отправился в банк, рассчитав время до минуты. Из дверей вышла средних лет женщина, и Найджел вошел. Девушка была одна. Она посмотрела на него и заговорила с ним довольно вежливо, но безразлично, и Найджел ощутил некоторую обиду и даже возмущение, когда на ее округлом непримечательном лице не отразилось ни малейшего восхищения его внешностью. Он сказал, что хотел бы открыть счет, и девушка ответила, что менеджер ушел на обед; не может ли потенциальный клиент зайти снова в два часа? Затем прошла вслед за ним к двери и заперла за его спиной.

В переулке на задах банка Найджел встретился с Марти, который был в восторге, поскольку увидел, как Алан Грумбридж вышел из задней двери здания и уехал на своей машине.

– Я так думаю, они ходят на обед попеременно, через день. Сие значит, что птичка полетит обедать завтра, а он – в понедельник. Выйдем на дело в понедельник.

Найджел кивнул, думая о том, что в банке тогда останется только девушка и как легко это будет. Похоже, сейчас здесь делать было больше нечего. Они сели на автобус обратно до Стэнтвича, и по прибытии туда Марти потратил двадцать пять пенсов на виски, а потом начал выклянчивать у Найджела часть денег, одолженных у миссис Таксби.

3

Литература учила Алана Грумбриджа, что существует такая вещь, как влюбленность. Некоторые говорят, что именно так, косвенно, узнают об этом все люди. Алан читал, что влюбленность изобрел в Средние века некий трубадур по имени Кретьен де Труа [12 - Кретьен де Труа (ок. 1135 – ок. 1183) – средневековый мастер рыцарского и куртуазного романа.] и что это чувство производит перемены в человеческой природе.

Он никогда не испытывал подобного сам. И когда думал об этом, то понимал, что не знает никого, кому влюбленность была бы знакома. Никому из супружеских пар, приходивших пить «Бристоль-крим», – ни Хейшемам, ни Китсонам, ни Мэйнардам, точно так же, как Уилфреду Саммиту, или констеблю Роджерсу, или миссис Сарридж, или П. Ричардсону. Алан знал это, поскольку был уверен: если бы они хотя бы в прошлом в кого-то влюблялись, то стали бы другими, ведь это чувство меняет природу человека. Но они не изменились – были такими же скучными и невозвышенными, как он сам.

С Пэм не возникало даже вопросов о влюбленности. Она была просто девушкой, которую он несколько раз приглашал на танцы в Стэнтвиче, а в один из вечеров по пути домой увлек в поле, и она не сопротивлялась. Это был первый раз для них обоих. Было весьма приятно, хотя ничего выдающегося, и Алан не намеревался это повторять. Но в этот вечер в поле был зачат Кристофер. Все приняли как должное, что они с Пэм поженились до того, как у нее «стало заметно», и Алан никогда и не думал протестовать. Он принял – как и многое в своей жизни – женитьбу на Пэм, появление ребенка, необходимость иметь

стабильный доход. Пэм хотела получить обручальное кольцо, хотя они не были предварительно обручены, и Алан купил кольцо за двадцать пять фунтов, взятые в долг у отца.

Родился Кристофер, а четыре года спустя Пэм сказала, что они должны «поставить целью» второго ребенка. В то время Алан еще не начал пристально следить за словами, их значением, и тем, как их надлежит использовать, поэтому не счел фразу Пэм забавной. Когда он стал старше и прочитал много книг, то, оглянувшись на то время, задумался: каково было бы быть женатым на женщине, которая сочла бы эту фразу смешной и которой он мог бы высказать подобное непристойное предложение? Как бы он занялся любовью с такой понимающей женщиной и сказал бы ей: «Я целюсь в тебя ради второго ребенка»? Скажи он нечто в этом роде Пэм при таких обстоятельствах, она дала бы ему пощечину.

Обзаведясь двумя детьми, они никуда не ходили по вечерам. Они не могли бы позволить это себе, даже если бы кто-то и согласился сидеть с детьми даром. Тогда еще была жива жена Уилфреда Саммита, но и мистер, и миссис Саммит, подобно Джойс, считали, что юная супружеская чета должна сама справляться со своими обязанностями. Это значило, что молодые супруги не должны ничего делать для собственного развлечения и никогда не смеют оставлять своих детей на попечение кого-либо другого. Алан начал читать. До женитьбы он читал не особо много, поскольку его отец утверждал, что это напрасная трата времени для того, кто намеревается работать с цифрами. На середине третьего десятка Алан записался в общественную библиотеку в Стэнтвиче и прочел там все триллеры, детективы и книги о приключениях, до каких только смог добраться. На свой лад он жил довольно счастливо, проживая все те события, что были описаны в книгах. Но незадолго до его тридцатилетия случилось нечто странное.

Он читал триллер, в котором был процитирован поэтический отрывок. До того момента он презирал поэзию как нечто недоступное ему, считал, что люди пишут и читают подобное, чтобы «выпендриться». Но ему понравились эти стихи – сонет Шекспира о Фортуне и глазах людей, – и строки этого сонета снова и снова прокручивались в голове у Алана. В следующий раз, придя в библиотеку, он взял сборник сонетов Шекспира, и они ему понравились. Это заставило его прочесть еще больше поэзии, а потом постепенно дело дошло до более крупных произведений, которые люди по какой-то непонятной причине называют классикой. За этим последовали пьесы и снова стихи, и еще книги, которые

критики пишут о книгах, – и Алан пропал. Ибо его разум стал острее, сила восприятия невероятно возросла, и он впал в недовольство своим уделом. В этом мире были другие вещи, помимо Пэм, детей, банка, Хейшемов и Китсонов, поездок за покупками по субботам, просмотра телевизора и аренды трейлера ради летнего отпуска, проведенного на острове Уайт. Если только все эти авторы не солгали, существовала еще внутренняя жизнь и внешние ощущения, бесконечное множество того, что можно было увидеть, сделать и испытать. Существовали чувства, существовали страсти.

Он испытал неистовое опьянение литературой в довольно позднюю пору своей жизни, и это отравило ему существование.

Желание влюбиться было ребячливым, но Алан хотел влюбиться. А еще он хотел жить независимо, путешествовать, видеть мир, исследовать, открывать и понимать. Все эти действия были в равной степени недоступны для женатого человека с двумя детьми, пожилым тестем и работой в банке «Энглиан-Виктория». А влюбиться было бы аморально, особенно если бы он предпринял что-либо в этом направлении. К тому же вокруг не было никого, в кого можно было бы влюбиться.

Алан представлял, как заходит к Хейшемам как-нибудь утром в субботу и застаёт Венди совсем одну, и они влюбляются – неожиданно, как в книге Сомерсета Моэма, хотя давно знали и не особо жаловали друг друга. Они оказываются поражены любовью, подобно Ланселоту и Гвиневере[13 - Гвиневера (Гвиневра, Джиневра) – супруга легендарного короля Артура, изменившая ему с Ланселотом, одним из рыцарей Круглого стола.] или Тристану и Изольде[14 - Тристан и Изольда – легендарные герои рыцарского романа XII в.]. Он даже рассматривал в этой роли Джойс. Как было бы, если бы она пришла в его кабинет после закрытия отделения и он заключил бы ее в объятия, и... Алан знал, что не мог бы этого сделать. Чаще всего он просто представлял некую девушку, стройную, с длинными черными волосами, которая назначила деловую встречу – поговорить относительно овердрафта[15 - Особая схема краткосрочного кредита.]. Они обменялись бы одним только взглядом и сразу же поняли, что неразделимо связаны друг с другом.

Это не могло случиться с ним. Похоже, это больше не случилось ни с кем. В журналах, которые читала Пэм, было полно статей, рассказывавших женщинам, как достичь оргазма, а мужчинам – как довести женщину до оргазма. Однако не было ни одной статьи, которая рассказывала бы людям, как найти любовь и

влюбиться.

Иногда Алану казалось, что обладание тремя тысячами фунтов дало бы ему, помимо прочих вещей, возможность полюбить. Он снова вынимал и держал в руках эти пачки в четверг, решительно говоря себе, что это в последний раз. Он должен твердо разделаться с этой своей одержимостью, и со второй – тоже. По окончании этой недели он больше не будет читать Йитса, Форстера и Конрада, этих совратителей человеческого разума. Солидному и практичному банковскому менеджеру надлежит читать только мемуары и биографические очерки.

Алан Грумбридж много думал, размышлял и фантазировал о странных и неожиданных вещах. Но помимо игры с банкнотами, которые ему не принадлежали, он делал только одно, не считавшееся общепринятым.

У банка «Энглиан-Виктория» не было возражений относительно того, что персонал чилдонского отделения покидал помещение во время обеда – при условии, что дверь была заперта, а все деньги лежали в сейфе. Но на самом деле оба служащих никогда не уходили одновременно. Джойс оставалась в банке по понедельникам и четвергам, когда ее Стивен не приезжал на работу в Чилдон и ей не с кем было пойти в «Герб Чилдона». В эти дни недели она брала с собой на работу сэндвичи. Алан брал сэндвичи с собой каждый день, потому что не мог позволить себе есть в кафе. Но в обеденное время по понедельникам и четвергам он покидал банк, хотя об этом знала только Джойс, и даже она не знала, куда он ездит. Он уезжал и съедал свои сэндвичи зимой в машине на придорожной стоянке, а весной и летом – на лугу. Он делал это для того, чтобы урвать два часа в неделю – два часа спокойствия и полного одиночества.

В ту пятницу, первого марта, Джойс, как обычно, отправилась в «Герб Чилдона» со Стивеном, чтобы съесть ланч по-деревенски, запивая его полупинтой [16 - 1 пинта равна 0,57 л.] светлого пива, а Алан строго соблюдал свое решение не вынимать из сейфа три тысячи фунтов. Пятница была самым занятым днем в неделю, и это помогало ему устоять перед искушением.

Выходные начались с поездки за покупками в Стэнтвич. Алан зашел в библиотеку, где взял мемуары драматурга (отучаться надо постепенно) и историческую книгу. Пэм и не подумала посмотреть, что он принес. Несколько

лет назад она сказала, что он настоящий книжный червь и это может плохо сказаться на его глазах – а ведь для его работы необходимо поддерживать хорошее зрение. На обед у них были сосиски и консервированные персики, за столом сидели только они двое и Уилфред Саммит. Кристофер никогда не приходил обедать по субботам. Он вставал в десять утра, мыл свою машину – она полагалась ему как агенту по недвижимости – и уезжал с семнадцатилетней ученицей парикмахера, которую называл своей невестой, в Лондон. Там он тратил кучу денег на джинс с тоником, салаты с креветками, бифштексы, билеты на хорошие места в кинотеатрах, долгоиграющие кассеты и всякие мелочи, вроде журнала «Плейбой», вина, бальзамов после бритья и бритвенных станков. Джиллиан приходила к обеду иногда, когда ей больше нечего было делать. В эту субботу она явно нашла себе занятие получше, хотя не потрудилась уведомить об этом родителей.

После обеда Алан выпалывал сорняки в саду, Пэм подшивала подол вечерней юбки, а Уилфред Саммит прилег вздремнуть. Сон освежил его, и когда они пили чай – к чаю были сардины, латук, хлеб, масло и кекс «Мадейра», – Папа сказал, что смотрел новости по телевизору и что грабители банка в Глазго пойманы.

– Я бы хотел, чтобы они попали на электрический стул.

– Что-то вроде того, – согласилась Пэм.

– Нужно, чтобы власть в стране захватили военные. Тогда у нас было бы хоть немного дисциплины. Править должна армия – конечно, под руководством Ее Величества и какого-нибудь генерала во главе собственно военных. Какой-нибудь важной шишки, которая знает свое дело. Вооруженные силы – это вещь. Когда я служил в Вооруженных силах, мы понимали, что такое дисциплина!

Папа всегда говорил о времени, проведенном в лагере Каттерик в сороковых годах, как о «службе в Вооруженных силах», как будто побывал в авиации, на флоте и в десанте разом.

– Выпороть бы их, вот что я скажу. Надавать по задницам таких горячих, чтобы навек запомнили. – Он помолчал, прихлебывая чай. – Разве «кошка»[17 - Под «кошкой» в данном контексте подразумевается девятихвостая плетка, которой исторически осуществлялись наказания.] – это так плохо?

Алан подумал, что если бы кто-нибудь вошел в комнату на этих словах, то подумал бы, что семейство обсуждает, не завести ли им домашнего любимца.

Алан снова вышел в сад. Проходя мимо окон комнаты, которую занимал Папа, он отметил, что газовый камин горит на полную мощность. Папа всегда включал камин на весь день и, несомненно, на половину ночи с сентября по май, вне зависимости от того, сидел ли он в своей комнате или уходил из нее. Пэм очень вежливо указывала ему на это, но Папа отвечал только, что у него плохо циркулирует кровь из-за возрастного затвердения артерий. Он никогда не вносил ни пенни в оплату счетов за газ, равно как и за электричество, но Пэм сказала, что нечестно требовать что-либо со старика, который живет только на свою пенсию. Алан осмелился спросить: «А как насчет тех десяти тысяч, что он выручил от продажи своего дома?» Но Пэм ответила, что это деньги на черный день.

Вернувшись в дом и убирая садовые инструменты в кладовку, он увидел, что вернулась дочь. Литература гласила, что юные лучше сходятся со стариками, чем с людьми средних лет, но, похоже, в случае с его детьми и Папой это не сработало. В этом авторы ошибались – как, возможно, и во многом другом.

Джиллиан игнорировала Папу, вообще никогда не говорила с ним, а Пэм, хотя иногда и орала на Джиллиан, получая такие же злобные вопли в ответ, чаще всего боялась сделать ей замечание тогда, когда это было действительно необходимо. С виду мать и дочь были в хороших отношениях, постоянно болтая друг с другом о шмотках и о том, что вычитали в журналах; когда же они ходили за покупками, то неизменно брали одна другую под локоток. Но это не было подлинным общением. Алан считал, что Джиллиан – хитрая маленькая лицемерка, которая втирается в доверие к Пэм, разыгрывая перед нею образцовую пятнадцатилетнюю девушку, каким этот образ представляла сама Пэм. Алан был уверен, что Джиллиан попросту придумывала все те причины, по которым задерживалась вне дома, однако все они были пристойными: драматический кружок, курсы кройки и шитья, вечерние прогулки и чаепития с Шерон, чья мать была учительницей; Шерон должна была помогать Джиллиан с домашним заданием по французскому языку. Джиллиан всегда возвращалась домой к десяти тридцати, поскольку знала, что ее мать считает, будто сексуальные соития неизменно происходят после половины одиннадцатого. Она говорила, что приехала на последнем автобусе, как иногда и вправду бывало, вот только ездила она не одна. А один раз Алан видел, как Джиллиан слезает в конце Лужайки Мученика с заднего сиденья мотоцикла, за рулем которого сидел

какой-то парень.

Он задумался, зачем дочь вообще брала на себя труд врать – ведь если бы она созналась в том, чем занималась на самом деле, то Пэм почти ничего не смогла бы с этим поделаться. Она могла бы только орать и грозить, а Джиллиан выкрикивала бы угрозы в ответ. Они боялись друг друга, и Алан думал, что их взаимоотношения настолько прогнили, что стали уже почти зловещими. Одна из тех вещей, о которых он часто гадал, был вопрос, когда Джиллиан выйдет замуж и каких расходов ожидает от него на эту свадьбу. Видимо, это будет в течение ближайшей пары лет, поскольку дочь, вероятнее всего, очень скоро забеременеет, но она, наверное, захочет пышную свадьбу, куда будут приглашены все ее подружки и чтобы после венчания в диско-клубе были устроены танцы.

Папа давно отказался от попыток разговаривать с внучкой, зная, что не получит ответа. Он намеревался посмотреть телевизор, но Джиллиан устроилась на полу между ним и экраном и сушила волосы при помощи очень шумного фена. Алану отчасти становилось жалко Папу, когда Джиллиан была дома. К счастью, большую часть времени она отсутствовала, но во время редких периодов пребывания у родных пенатов строила всю семью – она была настоящей маленькой тиранкой, эгоисткой с дурным характером.

– Ты не забыл, что вечером мы идем к Хейшемам? – спросила Пэм.

Алан забыл, но этот вопрос означал всего лишь, что ему пора одеваться. Они не были приглашены на ужин. Никто в Наделе Фиттона не устраивал приемов с трапезой, и «вечерний визит» означал лишь по паре бокалов хереса или виски с содовой на человека, после чего подавали кофе. Но этикет, вероятно сформулированный женщинами, требовал более или менее формальных костюмов. Дик Хейшем, довольно славный человек, вряд ли обиделся бы, приди Алан в старых брюках и свитере, да и сам с радостью не стал бы переодеваться из домашней одежды во что-то другое. Но Пэм заявляла, что нужно надевать спортивную куртку, а когда старая куртка Алана становилась чересчур поношенной, заставляла его купить новую. Чтобы собрать на это денег, она неделями отказывала себе в маленьких удовольствиях: в походах к парикмахеру раз в две недели, в поездке в Стэнтвич два раза в месяц, чтобы посидеть в кафе с сестрой, в сигаретах, которые она выкуривала по пять штук в день, – и так до тех пор, пока не накапливала тридцать шесть фунтов. Это был ужасный, бессмысленный и безумный образ жизни. Но Алан приучил себя к нему, как и ко

многим другим вещам, во имя спокойной жизни. Однако он знал: то, что он получил в результате, покоем назвать сложно.

Джиллиан, хотя ее никто не спрашивал, заявила, что идет с Шерон играть в скрэббл[18 - Настольная игра, в которой из букв составляются слова (аналог русского «Эрудита»)] к девушке по имени Бриджет. Алан подумал, что это весьма удобно: дескать, Бриджет живет в Стоук-Милл в коттедже без телефона.

– Вернись к половине одиннадцатого, хорошо, солнышко? – отозвалась Пэм.

– Конечно, вернусь. Я всегда возвращаюсь вовремя.

Джиллиан так мило улыбнулась сквозь завесу распущенных волос, что Пэм осмелилась попросить ее отодвинуться и не загораживать Папе экран.

– Почему бы ему не пойти и не посмотреть телевизор в собственной комнате? – запротестовала Джиллиан.

Никто ей не ответил. Пэм отправилась в ванную и вернулась оттуда в длинной юбке и блузке с рюшами, с налакированными волосами и блестящими розовыми губами. Алан побрился и переоделся в чистую рубашку и спортивную куртку. В таком виде оба выглядели намного моложе, красивее и счастливее.

Хейшемы жили на Дороге Тюдоров, и Грумбриджи отправились туда пешком. Алану очень хотелось сказать Пэм, что он очень жалеет ее, от всей души сочувствует ей, несчастной и нелепой женщине, которая прожила уже весь жизненный цикл к тому возрасту, когда большинство только начинает подумывать о том, чтобы остепениться. Но он не мог этого сделать – они никогда не нашли бы общего языка. Кроме того, разве он сам не был столь же несчастен и нелеп? Что бы она ответила, выскажи он все то, что так хотел высказать? Посмотри на нас: что мы делаем, одеваясь подобным образом и нанося визиты людям, до которых нам нет никакого дела, а в гостях говорим ни о чем, высказываем приличествующую случаю ложь? Зачем, ради чего?

В доме Хейшемов гости и хозяйева разделились на две группы. Мужчины говорили друг с другом, и женщины – друг с другом. Мужчины говорили о работе, о своих машинах, о политической ситуации и о ценах. Женщины говорили о своих детях, о своих домах и о ценах. Примерно через час после

прихода Пэм отправилась в ванную и вернулась со свежим слоем помады на губах.

К пятнадцати минутам одиннадцатого всем стало скучно. Но Алану и Пэм пришлось пробыть в гостях еще три четверти часа, иначе Хейшемы подумали бы, что они заскучали или поссорились перед приходом сюда, или волнуются за кого-то из своих детей. Точно в две минуты двенадцатого Пэм спросила:

– Который час?

Она сказала «который час», и это подразумевало, что, должно быть, уже поздно, а вот простое «сколько времени?» могло указывать на то, что время для нее тянется слишком медленно.

– Только что пробило одиннадцать, – ответил Алан.

– Боже мой, я и не думала, что уже так поздно... Нам нужно идти.

Комплекс Золушки, со сроком, смещенным на час, действовал во всем Наделе Фиттона. Вечеринки заканчивались в одиннадцать. Однако не было никакой причины для того, чтобы уходить домой в одиннадцать. Было непонятно, почему нельзя остаться на всю ночь: никто не стал бы скучать по ним и даже не заметил бы, что их нет дома, и никому не повредило бы, если бы на следующий день они проспали до самого обеда. Но они ушли в одиннадцать и через пять минут были дома. Папа уже был в своей комнате, Джиллиан – в ванной. Где был Кристофер, оставалось только гадать. Вряд ли он вернется домой до часу или двух. Это не волновало Пэм.

– С мальчиками все иначе. – Алан слышал, как она объясняла это Гвен Мейнард. – О мальчиках не приходится тревожиться так, как о девочках. Я настаиваю, чтобы моя дочь возвращалась домой к половине одиннадцатого, и она всегда дома к этому времени.

На бортиках ванны после Джиллиан осталась кайма грязной мыльной пены, а на полу – куча влажных полотенец. Она включила в своей спальне панк-рок, и Алан жалел, что ему не хватает храбрости выключить электричество во всем доме одним щелчком рубильника. Он и Пэм лежали в кровати, в залитой ярким лунным светом спальне, и оба притворялись, что не слышат грохота музыки.

Наконец шум утих – вероятно, кассета докрутилась до конца, а Джиллиан к тому времени уже заснула.

Полная тишина. Алан, сам не зная почему, вспомнил тот эпизод из книги Мэлори, где Ланселот лежит в постели с королевой и слышит, как под дверь пришли четырнадцать рыцарей.

«Госпожа, не найдется ли здесь, в ваших покоях, каких-нибудь доспехов, чтобы мне прикрыть мое тело?»[19 - Т. Мэлори. «Смерть Артура» (пер. И. Берштейн).]

Мог ли он сам когда-либо проявить подобное безрассудство? Такую гордость и отвагу? Потребуется ли это когда-либо от него? Глаза Пэм были широко открыты. Она смотрела на отблески лунного света на потолке. Алан решил, что надо бы заняться с нею любовью. Они не делали этого уже две недели, а сейчас ночь субботы. Далеко в Стоук-Милл часы на церкви пробили час ночи. Чтобы все обязательно получилось, Алан изо всех сил представлял себе черноволосую девушку, пришедшую в банк, чтобы получить дорожные чеки для поездки в отпуск в Портофино. О чем фантазировала Пэм, он не знал, но был уверен, что о чем-то она все-таки фантазирует. Мысли об этом создавали у Алана странное ощущение, хотя в данный момент он гнал эти мысли прочь. Ему казалось, что в постели находятся не они, а вымышленные ими люди, так что на самом деле это не он занимается любовью с Пэм, а черноволосая девушка занимается любовью с мужчиной, пришедшим снять показания счетчика.

Хлопнула входная дверь – Кристофер вернулся домой и, не стараясь даже ступать потише, протопал вверх по ступеням. «Госпожа, не найдется ли здесь, в ваших покоях, каких-нибудь доспехов?»

Его усталое тело завершило свою работу, и Пэм вздохнула. Это был последний раз, когда он занимался с ней любовью, и, зная об этом, возможно, приложил бы куда больше усилий.

Комната Марти Фостера в Криклвуде располагалась на верхнем, третьем этаже здания. Она была довольно большой, как обычно такие комнаты, и из нее вела дверь в кухню. В комнате было два створчатых окна, выходящих на улицу, и еще одно окошко – в кухне. Марти так и не смог открыть ни одно из этих окон с тех пор, как поселился здесь, да не особо-то и старался. Он спал на двухместном матрасе, брошенном прямо на пол. Еще в комнате были кушетка и раздвижной стол, испещренный белыми кругами от чашек с кипятком и сигаретными подпалинами, а также пара разболтанных стульев эдвардианских времен, и ковер, украшенный розовыми розами и бурыми кофейными пятнами. На окнах висели коричневые хлопчатобумажные занавески, и при попытке их сдвинуть в воздух взлетали целые облака пыли – словно клубы дыма. На кухне находились газовая плита и раковина, еще один раздвижной стол и книжный шкаф, в котором хранились продукты. Никто не прибирался в этом жилье уже несколько лет.

Этот дом одной стеной примыкал к соседнему в ряду однотипных зданий, выстроившихся вдоль улицы, и замыкал их строй. В одной из комнат по соседству с Марти – в той, что смотрела на боковой вход, – жила девушка-ирландка, а другую уже много лет занимал глухой старик по фамилии Грин. Между комнатой ирландки и верхним пролетом лестницы располагался туалет. Полудюжина ступенек вела вниз, к ванной комнате, общей для всех жителей верхнего этажа, а затем основной пролет уходил вниз, на второй этаж, где снимали квартиру рыжеволосая молодая женщина и мужчина, которого она называла «дружок». Первый этаж занимала чета, отсутствовавшая целый день – их никто никогда и не видел. Возле двери ванной комнаты висел телефон-автомат.

В субботу Марти позвонил с этого телефона в контору по прокату машин в южном Лондоне, именуемую «Релиакар ренталс», – идея угнать автомобиль была в итоге отменена. Нельзя ли взять напрокат маленький автофургон – скажем, минивэн – в девять часов утром в понедельник? Ему ответили, что можно, конечно, но не будет ли он добр сообщить свое имя и не принесет ли с собой водительское удостоверение? Марти назвал имя, указанное в удостоверении, которое он держал в руках. Эти права, выписанные на имя некоего Грэма Фрэнсиса Коулмана из Уоллингтона в Суррее, были действительны до 2020 года, и Марти позаимствовал их из кармана куртки, которую ее владелец оставил на заднем сиденье «Аллегро» на парковке кинотеатра. Марти знал, что когда-нибудь это удостоверение ему пригодится. Затем он позвонил в Кенсингтонскую общину и спросил Найджела насчет денег. У того оставалось всего шесть фунтов из тех денег, что он одолжил у своей матери, а его социальное пособие должно

было поступить только в среду, но он сделает все, что сможет.

Найджел усвоил хорошее правило: всегда говорить всем одну и ту же ложь, поэтому объявил своим безразличным сотоварищам по жилью, что отбывает в Ньюкасл на пару недель. Никто не сказал «удачной поездки», «пришли нам открытку» или что-нибудь в этом роде. Такое у них было не в обычае. Одна девушка спросила – не против ли Найджел в таком случае, если Саманта на это время займет его комнату? Найджел углядел в этом свой шанс и поинтересовался, не внесет ли она тогда арендную плату. Последовал вялотекущий спор, в результате которого никто не стал сильно возражать, чтобы Найджел взял десять фунтов из жестянки, где жильцы общины держали деньги для уплаты за жилье, свет и тепло, – с условием, что в конце месяца он вернет эти деньги.

С шестнадцатью фунтами в кармане Найджел упаковал большинство своих вещей в рюкзак, который взял у матери Саманты, и в чемодан, который давным-давно позаимствовал у собственной матери. Выйдя из дома, он сел на автобус до Криклвуда. Дом, где жил Марти, стоял на улице между Чичели-роуд и Криклвуд-бродвей и все еще сохранял дух несколько выцветшей респектабельности. Летом большие раскидистые деревья – липы, платаны и каштаны – делали это место прохладным, тенистым и даже слегка таинственным, но сейчас это были просто голые деревья, которые выглядели так, словно на них никогда не росло ни единого листочка и никогда не будет расти. Напротив дома располагалась церковь, и Найджел не видел, чтобы ее когда-либо кто-то посещал, а на углу улицы находилась прачечная, писчебумажный и продуктовый магазин и лавка с деликатесами. Он нажал на кнопку звонка Марти, который был самым верхним в ряду звонков на двери, и Марти спустился вниз, чтобы впустить приятеля.

От него пахло дешевым вином, остатки которого, с чернильно-фиолетовым осадком, плескались в кружке на кухонном столе. Вино – или виски, когда он мог себе это позволить, – были привычным каждодневным напитком для Марти. Он пил их, чтобы утолить жажду, как другие люди пьют чай или воду. Это была одна из причин, по которой он желал денег, – тогда у него будут неограниченные возможности для выпивки. Марти ненавидел пить маленькими порциями, зная, что в его доме нет другой бутылки вина, которую можно будет открыть, как только эта иссякнет.

Он проглотил то, что оставалось в кружке, а потом вытащил из-под груды одежды, сваленной на матрасе, какой-то предмет и протянул его Найджелу. Это

оказался маленький, хотя и тяжелый, пистолет со стволом длиной около шести дюймов. Найджел положил палец на спусковой крючок и попытался нажать его. Тот сместился, но едва-едва.

– Сделай милость, не направляй оружие на меня, – попросил Марти. – А если бы оно было заряжено?

– В этом случае ты был бы просто кретином, не так ли? – Найджел повертел пистолет, внимательно рассматривая его. – Тут сбоку надпись по-немецки. «Карл Вальтер, модель ППК, калибр 9 мм, курц». «Курц» значит «короткоствольный». А дальше сказано: «Сделано в 3. Германии». – Соблазн покрасоваться оказался для него слишком силен. – Такие штуки можно купить в магазинах для мотоциклистов, я видел их там. Их зовут нестреляющими копиями пистолетов и используют в кино. Стоят они целую кучу денег. Где ты взял бабло на такой ствол?

Марти не собирался рассказывать ему о страховом полисе, который мать открыла для него много лет назад и на котором все это время копились деньги. Он сказал лишь «дай сюда», забрал пистолет и уставился на пару черных чулок, которые Найджел показал ему.

Эти чулки Найджел нашел в грудке грязной одежды на полу общей ванной в коммуне. Они принадлежали девушке по имени Сара, которая иногда надевала их, чтобы выглядеть сексуальнее.

– Важен точный расчет времени, – напомнил Найджел. – Мы должны явиться в банк почти точно в час. Оставим машину в переулке на задворках. Когда кошелка пойдет запирать дверь, Грумбридж уже должен будет уйти. Мы натянем чулки на головы, впихнем внутрь кошелку и запрем дверь изнутри за собой.

– Ты не мог бы называть ее просто «девушкой»? Ты же не чичеряка[20 - Чичеряка – сленговое именование лица гомосексуальной ориентации.].

Найджел покраснел. Стрела попала в цель. У него не было гомосексуальной ориентации – он вообще не был уверен, есть ли у него сексуальная ориентация, и это доставляло ему страдания. Но особо неприятно было то, что Марти застал его врасплох, употребив незнакомое жаргонное словечко для обозначения

мужеложца. Найджел мрачно продолжил:

– Мы заставим ее открыть сейф, а потом свяжем, чтобы она не смогла поднять шум. – Неожиданно ему в голову пришла мысль: – У тебя есть перчатки?

Марти про перчатки забыл, и Найджел выразил свое неодобрение, не стесняясь в выражениях, довольный тем, что снова получил моральное преимущество.

– Да ради бога, – фыркнул он, – этот твой палец способен выдать нас куда больше, чем любые чертовы отпечатки.

Не оскорбившись и даже не обидевшись, Марти взглянул на свою правую руку и пожал плечами, признавая, что Найджел прав. Указательный палец с виду не был отвратительным или даже гротескным, но и приятным это зрелище назвать было трудно. Это был уникальный отличительный признак Марти. Он срезал кусочек верхней фаланги пальца электрической газонокосилкой в садоводческом центре – еще чуть-чуть, и он лишился бы половины ладони, как никогда не уставал напоминать менеджер. Палец теперь был почти на четверть дюйма[21 - 1 дюйм равен 2,54 см.] короче, чем на другой руке, а ноготь, когда отрос, так и остался покореженным и кривым, подобно сердцевине грецкого ореха.

– Добудь две пары перчаток в понедельник утром, когда будешь забирать фургон, – рыкнул Найджел, – а после этого пойдешь и срежешь свои лохмы и бороду.

Марти начал возражать, однако эти возражения призваны были замаскировать его страх. Мысль о том, чтобы изменить внешность, наконец-то донесла до его сознания тот факт, что они действительно намереваются совершить нечто серьезное. Он был изрядно напуган и начал подумывать о том, чтобы увильнуть. Ему не приходило в голову, что Найджел может точно так же бояться, и они храбрились и хвастались друг перед другом весь этот вечер и следующий день. Оба втайне осознавали, что довольно поверхностно «разведали» чилдонское отделение банка «Энглиан-Виктория», что их единственный опыт в грабежах позаимствован из книг и фильмов и что они очень мало знают о системе безопасности этого банка. Но ничто на свете не заставило бы их признаться в этом. Беда была в том, что они недолюбливали друг друга. Марти сдружился с Найджелом потому, что ему льстило, что сын доктора, учившийся в колледже, не против с ним водиться; а Найджел прятался с Марти потому, что ему

нужен кто-то более слабый, кто-то, кого можно безнаказанно задирать и на кого можно производить впечатление. Но друг друга эти будущие грабители совершенно не уважали. Каждый мог бы сказать о другом: «Он мой лучший друг, и я его ненавижу».

В эти выходные в мозгу Найджела нераздельно господствовала мысль о том, что он должен взять первенство и руководить происходящим, как это пристало представителю элиты и потомку многих поколений офицеров и медиков – хотя напоказ он презирал всех своих предков. Однако он должен показать этому крестьянину, что такое настоящее главенство. В голове Марти, помимо растущего страха, царила мысль о том, что со своей практической сметкой он должен превзойти и удивить этого аристократического червяка. В воскресенье он взял у Найджела один фунт, чтобы купить бутылку сицилийского вина, страстно желая, чтобы ему хватило выдержки приберечь половину на утро понедельника, когда ему потребуется хотя бы хмельная, но смелость.

Вечером в воскресенье Джойс Калвер отпарила и погладила выходное платье, которое намеревалась надеть следующим вечером. Алан Грумбридж нарушил свое твердое намерение и перечитывал пьесу «Удалой молодец – гордость Запада»[22 - Пьеса Джона Миллингтона Синга, написанная в 1907 г.], пока все его семейство, за исключением Джиллиан, смотрело по телевизору документальный фильм о дикой природе Галапагосских островов. Джиллиан сидела в стэнтвичском кинотеатре с тридцатипятилетним продавцом косметики, который обещал подвезти ее домой к половине одиннадцатого и, не зная Джиллиан, сомневался, что по пути между ними что-нибудь будет.

Джон Перфорд, вместе с пятьюдесятью другими поклонниками автомобильного и мотоциклетного спорта, отбыл из Гатвика чартерным авиарейсом; их самолет должен был лететь в Нью-Йорк, а оттуда – в Дейтона-бич во Флориде.

За ночь погода испортилась, и утром в понедельник, четвертого марта, лужайки Надела Фиттона были не серебристыми от ночного инея, а серыми и мокрыми от ливня. В обеденном уголке было так темно, что на время завтрака Грумбриджам пришлось включить люминесцентную лампу – ее синеватый потусторонний свет

навевал мысли о морге. Уилфред Саммит все развивал свои идеи о захвате армией власти в стране, о введении повсеместно телесных наказаний, о прекращении выплаты социальных пособий и о насильственном выдворении иммигрантов. Кристофер, которому нужно было на работу только к десяти, между переменаами блюд (овсяные хлопья, яйца и бекон) раскурил сигарету и выкатил в ответ деду проект собственной утопии: эвтаназия для всех, кому больше шестидесяти лет, и полностью свободные сексуальные отношения для всех, кому меньше тридцати. Джиллиан причесывала волосы над тарелкой с хлопьями и спорила с Пэм, можно ли сделать мелирование на дому. Пэм утверждала, что это работа для профессионального парикмахера. Все вместе они создавали ужасно много назойливого и унылого шума, и Алан задумался, что было бы, если бы в десять часов в банк приехала полиция и сообщила ему, что через пять минут после его ухода взорвался газовый котел в подвале и при взрыве погибла вся его семья. Вероятно, он немного погоревал бы о Пэм и Кристофере.

Алан оставил сэндвичи в машине, потому что в этот день была его очередь ходить на обед. Вместе с пальто Джойс повесила в шкаф вечернее платье. Сегодня ее родители отмечали серебряную свадьбу, и она и Стивен сразу после работы намеревались отправиться на ужин с коктейлями в отель «Толл-Хаус».

– У вас тоже серебряная свадьба через несколько лет, мистер Грумбридж, – сказала Джойс. – Что вы подарите своей жене? Моя мать хотела накидку из серебристого песца, но отец сказал: «Если мы не будем экономить, девочка моя, песец придет к нам всем, но отнюдь не серебристый». Мы все засмеялись. Он всегда такой забавный, мой папа. Он купил для мамы серебряный браслет, знаете, такой, скромный, но изящный.

Алан не мог представить, каким образом один браслет может быть более скромным, чем другие, но спрашивать не стал. В понедельник утром в банке было много клиентов. Первым зашел П. Ричардсон. Он спросил два портрета Флоренс Найтингейл[23 - Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. Получила известность во время Крымской войны.] и фыркнул на Алана, который не сразу сообразил, что тот имел в виду десятифунтовые банкноты.

Марти показал водительское удостоверение Грэма Коулмана девушке из «Релиакар Ренталс» в Кройдоне и сказал, что ему двадцать четыре года. Она

сообщила, что требуется залог в десять фунтов и что сумма за прокат будет рассчитана завтра, когда станет известно, сколько миль он проехал на взятой напрокат машине. Если он вернет машину после шести часов вечера, то, пожалуйста, пусть оставит ее на площадке и положит ключи в почтовый ящик «Релиакара».

Марти отдал деньги и сказал «да» на все ее уведомления. Минивэн был белым и чистым, регистрационные номера выданы всего год назад. Проехав несколько миль, Марти припарковал фургон возле парикмахерской, зашел и попросил подстричь ему волосы и сбрить растительность с лица. Он не видел свою физиономию в зеркале по-настоящему вот уже три года и уже забыл, какой у него маленький подбородок и впалые щеки. Бритье отнюдь не улучшило его внешность, хотя парикмахер утверждал обратное. В любом случае девушка из «Релиакара» сейчас не узнала бы Марти – да что там, его не узнала бы родная мать.

Ему надо было сделать или купить что-то еще, но он не мог вспомнить, что именно, поэтому просто поехал забрать Найджела. Проехал по мосту Бэттерси, через Кенсингтон, Кенсал-Райз и Уиллесден в Криклвуд, где Найджел ждал его на Чичели-роуд.

– Боже, ну ты и урод, – заметил поделец. – Ты похож на одного из этих типов, которые ходят и вопят «харе Кришна».

Марти был хорошим водителем. Ему приходилось зарабатывать этим на жизнь, в то время как опыт Найджела ограничивался тем, что он время от времени брал отцовский «Триумф» с автоматикой, но никогда не водил машину с обычным механическим переключением передач. К тому же он не очень хорошо знал Лондон, однако это не помешало ему указать Марти на то, что нужно ехать по Северной окружной дороге. Марти и так уже решил выбрать этот путь. Но он не собирался допускать, чтобы кто-то на него давил – ну уж нет! – и чтобы показать свою компетенцию, поехал куда более длинной и трудной дорогой через Хемпстед-Хит, Хайгейт, Тоттенхэм и Уолтемстоу. Поэтому было уже изрядно больше одиннадцати часов, когда они выехали из Лондона и добрались до Brentвуда.

Когда они ехали по Челмсфордскому объездному шоссе, Найджел сказал:

– Ствол в порядке, чулки у нас есть. Бабло можно запихнуть в этот пакет. Покажи-ка мне перчатки.

Марти выругался.

– Я так и знал, что что-то забыл.

Найджел готов был ударить его, когда осознал, что все это время Марти вел машину без перчаток и что сам он тоже трогал голыми руками дверцы, приборную панель и оконные фиксаторы, но сказал только:

– Надо остановиться в Колчестере, купить перчатки и протереть всю машину изнутри.

– Некогда останавливаться, – возразил Марти. – Уже полдвенадцатого.

– Придется, болван! Мы не задержались бы до половины двенадцатого, если бы ты не поехал кружным путем.

Двадцать три мили от Челмсфорда до Колчестера Марти проделал за двадцать минут, выжимая все возможное из двигателя минивэна. Но уличных парковок в Колчестере практически не было – этот город с его узкими извилистыми улочками вполне оправдывал звание старейшего города, отмеченного в летописях Англии. В конце концов им пришлось заехать на многоэтажную крытую парковку, найти свободное место на третьем уровне, а потом пойти искать магазинчик «Вулворт»[24 - Международная сеть розничной торговли.].

Когда были куплены перчатки – шерстяные, потому что деньги были на исходе, – парни обнаружили, что им нечем протереть салон автомобиля. Ни у одного из них не нашлось носового платка, поэтому Найджелу пришлось снять один носок. Пошел дождь, хотя в Лондоне, когда они выезжали, было совершенно сухо.

– Уже двадцать минут первого, – заметил Марти. – Мы ни за что не успеем. Лучше перенести это дело на среду.

– Ты, безмозглый кретин! – рявкнул Найджел. – Не выводи меня из себя, понял? Как мы перенесем это на среду? Где мы тогда возьмем машину? Просто рули

дальше и не ной у меня над ухом все время, черт бы тебя побрал!

Узкие дороги между Колчестером и Чилдоном не способствовали езде на скорости семьдесят миль в час, но Марти, твердо держа руль руками, затянутыми в зеленые вязаные перчатки, все же ухитрился это сделать. Они поставили минивэн в переулке за банком, у самой каменной стены. Найджел вышел и подкрался к пролому в стене – и немедленно был вознагражден.

Мужчина средних лет, худощавый, но уже с наметившимся брюшком, с гладко прилизанными волосами, вышел из задней двери здания и сел в машину, стоящую во дворике.

Получасом ранее миссис Берроуз пришла в банк с чеком на двенадцать тысяч фунтов, выписанным на счет адвокатской фирмы. Она не объяснила его происхождение, но ее манера держаться была еще более высокомерной, чем обычно. Алан предположил, что это наследство, и посоветовал ей не класть эти деньги на депозит, а открыть новый счет по накопительной схеме банка «Энглиан-Виктория», приносящей более высокие проценты. Миссис Берроуз оскорбленно заявила, что не может решать подобные вопросы, не посоветовавшись с мужем. Она позвонит ему в офис и вернется в банк в два часа.

Мысль о том, что миссис Берроуз, живущая в огромном доме под Чилдоном, едущая на автомобиле «Скимитар» и носящая норковую шубу, стала еще богаче, повергла Алана в такую депрессию, что он нарушил взятый им зарок и достал из сейфа три тысячи фунтов, пока Джойс была занята обсуждением цен на говядину с мистером Уолфордом. Странно было думать – и тем не менее эта мысль часто посещала Алана, – что это всего лишь бумажки с портретами королевы, покойного премьер-министра и знаменитой сестры милосердия. Но эти бумажки могли сделать так много, купить так много: счастье, свободу, покой и тишину. Он разорвал пополам одну банкноту с портретом Флоренс Найтингейл, просто чтобы ощутить, каково это, но потом пришлось склеивать ее прозрачным скотчем.

Он слышал, как ушел мистер Уолфорд. Теперь в банке больше никого не осталось, часы показывали без десяти час. Джойс вполне могла зайти в его кабинет, поэтому Алан убрал деньги в ящик стола и зашел в туалет, где стоял

умывальник, – там можно было смыть с рук денежную грязь. Похоже, дождь только усилился, но Алан все равно собирался поехать на Чилдонский Выгон, где расцветали первые примулы и ветреницы.

Джойс прибирала свое рабочее место за кассой.

– Мистер Грумбридж, а правильно ли это? Мистер Уолфорд заполнил корешок квитанции и сделал копию для банка. Я никогда такого не замечала. Может, позвонить ему и сказать?..

Алан взглянул на корешок в платежной книжке.

– Нет, все нормально. Все хорошо, лишь бы заполнено было разборчиво, а оно так и есть. Я поехал на обед, Джойс.

– Не промокните там, – сказала она. – Льет как из ведра. И темно, словно вечером.

Алан подумал, предполагает ли она, куда он собирается ехать. Вряд ли она считает, что он ездит на машине в «Герб Чилдона». Но, возможно, она даже не замечает, уезжает ли он на обед на машине или уходит пешком. Алан вышел, задняя дверь автоматически закрылась за ним. Он уселся на водительское место – и вспомнил, что три тысячи фунтов так и остались лежать в ящике его стола.

Джойс не станет открывать ящик. Но мысль о том, что деньги лежат там, а не в сейфе, где им надлежит находиться, была способна отравить ему весь покой и уединение Чилдонского Выгона. В конце концов, Джойс знала его шифр для сейфа, если запомнила, – точно так же, как он знал ее сочетание цифр. Лучше положить деньги туда. Алан вернулся в свой кабинет, прикрыл – но не до конца – дверь, ведущую в банк, и тихонько открыл ящик стола.

В то время, как он это делал, пробил час дня. Джойс вышла из-за металлической решетки, пересекла банковский зал – и лицом к лицу столкнулась с Марти Фостером и Найджелом Таксби. Они стояли между открытой дубовой дверью и закрытой стеклянной, пытаясь натянуть на головы черные нейлоновые чулки. Они не осмелились сделать это до того, как вошли в дверь, они прежде не

отрабатывали это действие, а чулки были мокрыми, потому что по пути от машины до банка обоих грабителей нещадно поливал холодный мартовский дождь.

Джойс не закричала. Она лишь издала хриплый возглас и отпрянула к стеклянной двери, намереваясь запереть ее.

Найджел готов был развернуться и броситься бежать, потому что чулок был натянут лишь на его макушку, словно некий гротескный колпак. Но Марти бросил свой чулок на пол и резко распахнул дверь, заставив Джойс отшатнуться. Он схватил девушку, зажал ей рот ладонью, а второй рукой приставил ей к боку пистолет и велел заткнуться, иначе он ее убьет.

Найджел медленно последовал за приятелем. «Она уже видела наши лица, – думал он, – она видела нас». Но он закрыл за собой дубовую дверь, запер ее на замок и заложил щеколдой. Затем закрыл и запер стеклянную дверь, подошел и встал перед Джойс. Марти отнял ладонь от ее рта, но так и держал пистолет приставленным к ее боку. Девушка молча глядела на них, лицо ее было невероятно бледным. Смотрела она так, словно изучала, как они выглядят.

Из своего кабинета Алан Грумбридж слышал, как вскрикнула Джойс, и отчетливо разобрал угрожающие слова Марти. Он сразу понял, что происходит, и у него перехватило дыхание, когда он вспомнил тот разговор с Уилфредом Саммитом в прошлую среду. Невольно Алан крепко стиснул в руках ворох банкнот – три тысячи фунтов.

Банк «Энглиан-Виктория» предписывал своему персоналу не оказывать сопротивление. Если была возможность, следовало нажать ногой одну из «тревожных кнопок». Эти кнопки были связаны по прямой линии с полицейским участком в Стэнтвиче – при нажатии там начинала выть сирена и мигать красные тревожные огни. Если сотрудники не могли дотянуться до кнопки – а в данном случае для Джойс это было, видимо, невозможно, – они должны были выполнять все требования грабителей. По одной «тревожной кнопке» располагалось под каждой из касс, и еще одна – под рабочим столом Алана. Он отвел назад правую ногу и занес пятку над кнопкой, готовясь нажать ее, но тут услышал, как мужской голос произнес:

– Мы знаем, что ты тут сейчас одна. Мы видели, как менеджер ушел.

Где он слышал этот голос раньше – эту занятную и уродливую смесь кокни и саффолкского наречия? Алан был уверен, что слышал, к тому же недавно. Это был очень запоминающийся акцент – сочетание растянутых гласных с невнятными или выпадающими согласными было необычным. Он слышал это здесь, в банке? Или во время поездки по магазинам? Потом смысл слов дошел до Алана, и он отвел ногу от кнопки. Они думают, что он уехал, – должно быть, видели, как он садится в машину. Алан мог сейчас нажать кнопку, и они не имели бы ни малейшего понятия, что он это сделал, а кроме того, если он будет вести себя по-умному, то сможет сберечь банку три тысячи фунтов. А может быть, и все имеющиеся в отделении деньги – если только вспомнит, кому принадлежит этот странный голос.

– Посмотрим, что у вас в кассах, куколка.

Другой голос, с интонациями диск-жокея. Алан слышал, как открываются кассы. Его ступня снова поползла назад, нащупывая кнопку, вмонтированную в ковровое покрытие пола. За дверью раздался перезвон монет. В кассах должна была быть примерно тысяча фунтов, чуть меньше или чуть больше. Алан приподнял пятку. Его план был вполне приемлемым. Но, предположим, он спасет эти три тысячи, сунув их в одежный шкаф, прежде чем грабители войдут. И как он будет объяснять банку, каким образом сумел это сделать?

Джойс не было слышно. Алан опустил пятку, поднял снова.

– Теперь сейф, – произнес голос с саффолкским или кокни-саффолкским акцентом.

Чтобы дойти до сейфа, они должны пройти через его кабинет. Он не может нажать тревожную кнопку – только не сейчас, он ведь не все продумал. Не было никакой весомой причины, по которой он мог находиться в своем кабинете с тремя тысячами фунтов в руках. Он не может сказать, что открыл сейф и вытащил их, когда услышал, что в банк ворвались грабители, – предполагалось, что он не должен знать шифр, известный Джойс. А если он смог спасти три тысячи, почему не спас пять или шесть?

Эти типы могут войти в кабинет в любую минуту. Они засунут банкноты и монеты из кассы – если вообще дадут себе труд взять монеты – в свою сумку и пройдут прямо через кабинет. Алан открыл дверь шкафа и втиснулся внутрь, прижавшись к задней стенке и прикрывшись вечерним платьем Джойс, подол которого доходил до самого пола. «Госпожа, не найдется ли здесь, в ваших покоях, каких-нибудь доспехов, чтобы мне прикрыть мое тело?»

Он едва успел закрыть за собой дверцу шкафа, как услышал крик Джойс:

– Нет! Не трогай меня!

Раздался лязг, как будто что-то прокатилось по полу.

Слова Ланселота напомнили Алану о тех вопросах, которые он задавал себе ночью в субботу. Мог ли он сам когда-либо проявить подобное безрассудство? Таковую гордость и отвагу? Потребуется ли это когда-либо от него? И вот оно потребовалось. Джойс всего двадцать лет. Она девушка. Плевать на подозрения банковского начальства, плевать на то, что подумает кто бы то ни было. Его первый долг – спасти Джойс или хотя бы встать рядом с нею и поддержать ее. Алан пытался выпутаться из складок платья и открыть дверцу. Он не боялся. Со смутным удивлением он подумал, что не боится, поскольку ему все равно, убьют его грабители или нет, – ведь ему не для чего жить. Возможно, вся его жизнь со всей своей скукой, тяготой и бесполезностью была предназначена для того, чтобы привести его к этому мгновению – к встрече со смертью в дождливый день ради семи тысяч фунтов.

Он мог бы оставить деньги в шкафу – он распихал их по карманам своего плаща, висевшего рядом с платьем Джойс, – выйти и встретить грабителей лицом к лицу. Они и не подумают заглянуть в карманы плаща, а после он придумает объяснение для банка. Если у него будет это «после». Самым важным сейчас было выйти из шкафа, и ведь это может к тому же отвлечь грабителей и дать Джойс возможность сбежать.

Но прежде, чем он коснулся дверцы, случилось нечто странное и необъяснимое. Алан ощупал карманы, дабы убедиться, что ни одна из банкнот не торчит наружу, и под его руками монеты вдруг как бы ожили; они почти пульсировали, словно были покрыты неким химическим веществом, реагировавшим на соприкосновение с плотью. От них точно исходила энергия, лучи незримой мощи,

которые распространялись вверх по его рукам, вызывая ощущение покаяния. Снаружи доносились какие-то звуки. Должно быть, эти люди уже открыли сейф. Алан слышал шорох, топот и голоса, которые спорили между собою, – и в то же время не слышал. Единственное ощущение, которое у него осталось, – это пульсация оживших денег под его пальцами. Внезапно задохнувшись от волнения, он стиснул руки, потому что понял, что не может отказаться от этих денег. Они принадлежали ему. Соприкасаясь с ними каждый день, он уже считал их своими, и теперь не мог их бросить.

Кто-то вошел в кабинет, стал выдвигать ящики стола и вытряхивать их содержимое на пол. Алан стоял, застыв и сунув руки в карманы плаща; дверца шкафа распахнулась.

Он не видел ничего сквозь темные складки платья. Он задержал дыхание. Дверца снова закрылась, и Джойс обругала кого-то из грабителей. Алан никогда не слышал от нее таких слов и даже не думал, что она их знает, однако мысленно одобрил ее. Девушка снова закричала, потом умолкла. Некоторое время слышался только равномерный частый стук дождя по черепичной крыше, а затем донесся звук автомобильного двигателя. Кто-то снаружи завел легковушку или автофургончик.

Алан ждал. Один из грабителей вернулся. Голос со среднеатлантическим акцентом ворчал и бормотал что-то, но недолго. Хлопнула задняя дверь. Они ушли? В этом можно убедиться, только выйдя из шкафа. Алан разжал руки, выпустив деньги, и подумал, что нужно вылезти, он не может просидеть в этом шкафу всю оставшуюся жизнь. Должно быть, Джойс они бросили где-то в банке, скорее всего, связанную и с кляпом во рту. Он объяснит ей, что, когда ворвались грабители, он забрал из сейфа столько денег, сколько успел унести, чтобы спасти хотя бы это. Она наверняка сочтет его трусом, но Алану было все равно – он знал, что это не трусость, а нечто иное, чему он не мог даже дать названия. Вынуть руки из карманов плаща было трудно, почти болезненно, но он рывком вытащил их, а потом открыл дверцу и сделал шаг наружу.

Ящики стола были вынуты и брошены на пол, их содержимое раскатилось по всему кабинету. Джойс не было ни в кабинете, ни в комнатухе, где стоял сейф. Дверца сейфа была распахнута, внутри было пусто. Должно быть, грабители оставили Джойс в основной части банка. Алан колебался. На лбу выступил пот, и он стер его тыльной стороной руки. Ему подумалось, что пока он стоял в этом

шкафу, с ним что-то произошло – возможно, он сошел с ума, надломился изнутри. Следующей мыслью было: наверное, та жизнь, которую он вел, наконец-то сломила его окончательно, свела с ума. Алан вынул деньги из карманов плаща и положил в сейф. Потом подошел к задней двери и осторожно открыл ее, выглянув наружу. Там не прекращался ливень, и его машина стояла среди луж, по которым плясали частые круги от струй. Алан захлопнул дверь, как будто только что вошел, и небрежной, легкой походкой прошел в банковский зал, где должна была лежать Джойс.

Ее там не было. Кассы ящиков были вытащены и опустошены. Алан заглянул в туалет. Там девушки тоже не было. Должно быть, пока он стоял в шкафу, не решаясь выйти, она убежала куда-нибудь за помощью. Без пальто, которое тоже осталось висеть на вешалке, но ведь в такие минуты не думаешь о дожде. Алан снова и снова повторял себе: «Я уходил на обед, я вернулся и не знаю, что случилось, я уходил на обед...»

Почему она убежала, вместо того чтобы нажать одну из «тревожных кнопок»? Он не мог придумать причин для этого. Часы над табло, где высвечивался курс обмена валют, показывали, что сейчас тридцать пять минут второго, четвертое марта. Он уходил на обед, вернулся и нашел сейф открытым, половина денег пропала, Джойс пропала... Как было бы естественно поступить в таком случае? Поднять тревогу, конечно.

Алан вернулся в свой кабинет и стал нащупывать ногой под столом кнопку. Она была прикрыта перевернутым ящиком. Опустившись на колени, он поднял ящик и нашел под ним туфлю. Это была одна из тех синих туфель с ремешком на подъеме стопы, в которые Джойс была обута сегодня утром. Алан стоял неподвижно, глядя на темно-синюю туфлю из блестящей кожи, явно отличного качества, на высоком каблуке.

Джойс не убежала за помощью. Грабители забрали ее с собой.

В качестве заложницы? Или потому, что она видела их лица? Таким людям не нужен повод. А вообще кому-нибудь для чего-либо нужны причины? Была ли у него самого причина оставаться в шкафу? Если бы он вышел, они могли бы увезти и его тоже.

Нужно немедленно нажать кнопку. Алан уходил на обед, вернулся и обнаружил, что сейф открыт, а Джойс пропала. Странно, что грабители оставили три тысячи фунтов, но его здесь не было, и он никак не может это объяснить. Если бы он был здесь, они забрали бы его тоже, потому что он наверняка увидел бы их лица. Алан взглянул на часы. Почти без двадцати два. Если сейчас поднять тревогу, у полиции будет время перекрыть дороги, грабители не могли уехать далеко за двадцать минут по такому дождю.

Зазвонил телефон.

Алан вздрогнул, но, должно быть, это просто звонила Пэм. Телефон звонил, звонил, но Алан так и не снял трубку. Эти звонки высветили перед его мысленным взором картину, такую же яркую и отчетливую, как изображение в цветном телевизоре, но куда более реальную. Надел Фиттона, его дом, Пэм у телефона, Папа сидит за столом в обеденном уголке, пьет чай, скоро придут Джиллиан и Кристофер. Телевизор. Панк-рок. Хлопанье двери. Спортивная куртка, армия должна взять власть, счет за газ. Алан не стал брать трубку, и после двадцати звонков – он считал – телефон умолк. Но из-за этого звона безумие Алана усилилось и стало более концентрированным, образовав нечто вроде твердого ядра – ужасающее и чудесное решение.

Его разум не был сейчас способен работать рационально, обдумывать изъяны, риски и неувязки этого решения. Тело Алана действовало само: оно облачилось в плащ, засунуло в карманы три тысячи фунтов, вышло под дождь и уселось в машину. Если бы он был в банке, грабители забрали бы с собой и его. Алан включил мотор, и в светлых полукружиях, оставленных «дворниками» на залитом водой лобовом стекле, перед ним замаячила свобода.

6

Они забрали Джойс с собой потому, что она видела их лица. Девушка открыла сейф, когда они велели ей это сделать, хотя сначала настаивала, что знает шифр только для одного цифрового замка. Но когда Марти ткнул пистолет ей под ребра и начал считать до десяти, она набрала и второе сочетание цифр. Как только замок щелкнул, Найджел завязал глаза девушке чулком, а когда она закричала, вторым чулком завязал ей рот, заставив ее прикусить нейлон зубами.

В ящике стола они нашли шнур, который Алан купил, чтобы подвязывать крышку багажника своего автомобиля, но так и не использовал, и этим шнуром связали Джойс по рукам и ногам. Стоя над нею, Марти посмотрел на Найджела; Найджел посмотрел на Марти и кивнул. Не сказав ни слова, они подняли девушку и понесли к задней двери.

Найджел открыл дверь и увидел «Моррис 1100», стоящий во дворе. Он не сказал ничего, а вот Марти воскликнул:

– О, черт!

Но в машине было пусто, и дворик был безлюден. Дождь лил с небес сплошной завесой. Найджел завернул деньги в пластиковый пакет и сунул под куртку.

– Где этот Грумбридж, холера бы его взяла? – прошептал Марти.

Найджел помотал головой. Они зашлепали под дождем по лужам, донесли Джойс до минивэна и бросили на пол в задней части салона.

– Дай мне ствол, – сказал Найджел. Зубы его стучали, а с промокших волос на лицо стекала вода.

Марти отдал ему пистолет и уселся на водительское место, положив на колени пластиковый пакет с деньгами. Найджел вернулся в банк. Он обошел все помещения, выискивая Алана Грумбриджа. Вдобавок он хотел поискать туфлю Джойс, но вся ситуация для него сделалась невыносимой, он больше не мог оставаться здесь и снова вышел под дождь. Дверь захлопнулась за ним со звуком, похожим на пистолетный выстрел.

Марти завел двигатель минивэна. Найджел сел рядом с ним, схватил пакет с деньгами, и Марти повел машину прочь по узкому переулку, через который они приехали. «Дворники» металась по лобовому стеклу, и вода струйками стекала вниз. Оба грабителя часто и шумно дышали.

– Жалкие четыре штуки, – выдавил Марти. – Вся эта суматоха – ради четырех штук.

– Ради бога, заткнись. Не болтай об этом при ней. Тебе вообще не положено болтать. Рули себе дальше.

Когда они ехали по дороге, проходящей между крутых откосов, Джойс начала стучать ногами по металлическому полу машины. Бум, цок, бум, цок – на ней была только одна туфля.

– Прекрати этот шум, – прошипел Найджел, поворачиваясь и наставляя на нее пистолет в просвет между сиденьями. Бум, цок, бум... Пальцы Найджела были мокры от дождя и пота.

В этот момент они буквально лоб в лоб вылетели на красный «Воксхолл», направляющийся в Чилдон. Марти затормозил как раз вовремя, «Воксхолл» остановился тоже. Его водителем был молодой человек, ненамного старше Марти и Найджела; рядом с ним сидела пожилая женщина. Места, чтобы разъехаться, не было. Джойс снова начала стучать ногами. «Цок, цок, цок» – стучал по железному полу каблук с металлической набойкой. «Бум, бум, бум» – вторила ему босая пятка. К тому же девушка начала мычать через повязку.

– Черт! – выругался Марти. – Черт!

Найджел просунул руку между сиденьями по самое плечо. Он не осмеливался перелезть назад под взглядами этих людей, чьи озабоченные лица были так отчетливо видны всякий раз, когда «дворники» описывали очередную дугу на лобовом стекле. Он был так напуган, что едва понимал смысл собственных слов.

Прижав ствол к бедру Джойс, он дрожащим шепотом произнес:

– Думаешь, я не выстрелю? Думаешь, мне не приходилось стрелять? Знаешь, зачем я вернулся? Там был Грумбридж, и я его застрелил, насмерть!

– Боже помилуй, – промолвил Марти.

«Воксхолл» медленно начал сдавать назад, туда, где дорога слегка расширялась за счет углубления в откосе. Марти тронул минивэн вперед, согнувшись над рулевым колесом, лицо его застыло, зубы были крепко сжаты.

– Я убью и этих двоих в машине, – продолжал Найджел, не помня себя от страха.

– Заткнись, а? Заткнись!

Марти провел машину мимо «Воксхолла», разминувшись с ним на два или три дюйма, и в знак благодарности помахал правой рукой; рука дрожала.

«Воксхолл» поехал своим путем, и Марти сказал:

– Я, наверное, рехнулся, когда решил взять тебя на это дело. Кем ты себя вообразил? Бонни и Клайдом в одном флаконе?

Найджел обругал его в ответ. Эта перемена ролей была невыносима, однако именно она смогла умерить его панику.

– Ты понимаешь, что нам надо избавиться от этой машины? Ты это понимаешь? А все потому, что ты поехал по этой чертовой дорожке шириной в дохлые шесть футов. Эти типы будут в Чилдоне через десять минут, а там уже поднялся шум, и они первым делом расскажут им о том, как разминулись с нами. Разве не так? Ну, скажи, разве не так? Есть у тебя какая-нибудь идея?

– Насчет чего?

– Насчет того, как угнать другую машину, – ответил Найджел. – Лучше всего в ближайшие пять минут, если ты не хочешь провести лучшие годы жизни в тюрьме, безмозглый кретин.

Миссис Берроуз позвонила мужу в офис в Стэнтвиче и спросила его, правильно ли, по его мнению, будет положить деньги тети Джин на накопительный счет по программе банка «Энглиан-Виктория». Муж ответил, что миссис Берроуз может делать так, как считает нужным, раз уж не доверила эти деньги ему, чтобы он вложил их куда-нибудь для нее, а теперь пусть поступает, как хочет. Так что в два часа миссис Берроуз села в свой «Скимитар» и в пять минут третьего приехала к отделению «Энглиан-Виктория». Дверь все еще была закрыта. Обзаведясь своими деньгами и возможностью не зависеть больше от денег мужа, миссис Берроуз ощущала себя важной персоной, с которой следует считаться, и эта задержка разозлила ее. Она постучала в дверь, но никто не

вышел, и было слишком сыро, чтобы стоять на улице. Она посидела в «Скимитаре» еще пять минут, но двери так и не открылись, поэтому женщина снова вышла из машины и заглянула в окно здания. Стекло было матовым, но надпись «Энглиан-Виктория» сделали прозрачной, буквы Э и В переплетены виноградными листьями, а над надписью красовалась корона. Миссис Берроуз заглянула сквозь палочку буквы В и увидела, что кассы опустошены, а их ящики валяются на полу. Тогда женщина на полной скорости помчалась к полицейскому участку, находящемуся в двухстах ярдах дальше по деревенской улице, испытывая невероятный восторг и гордость собою.

К тому времени красный «Воксхолл» уже миновал Чилдон на пути в Стэнтвич. Его вел молодой человек по имени Питер Джонс, он вез свою мать в центральную больницу Стэнтвича – она намеревалась навестить лежащую там сестру. Они повстречали полицейскую машину с мигающей синей лампой и завывающей сиреной и едва разминулись с нею, будучи куда ближе к ДТП, чем с минивэном до того. Эти два несостоявшихся столкновения были предметом разговоров между Питером и его матерью на всем пути до больницы.

Без девяти три полиция позвонила миссис Элизабет Калвер и сообщила ей, что банк был ограблен, а ее дочь пропала. Миссис Калвер ответила, что с их стороны было весьма любезно столь безотлагательно известить ее. Полицейские добавили, что намерены уведомить также ее мужа, работавшего бригадиром на одном из производственных предприятий Стэнтвича. Миссис Калвер поднялась на второй этаж дома и повесила обратно в гардероб платье, которое собиралась надеть в этот вечер, потом позвонила в отель «Толл-Хаус» и сообщила, что отменяет вечеринку в честь серебряной свадьбы. Она собиралась позвонить также своим сестрам, своему брату и подруге, которая двадцать пять лет назад была свидетельницей на свадьбе, но поняла, что не сможет этого сделать. Ее муж приехал полчаса спустя и обнаружил, что Элизабет сидит на кровати, молча смотрит на гардероб, а по щекам ее катятся слезы.

Памела Грумбридж гладила рубашки Алана и периодически обсуждала со своим отцом, почему никто не взял трубку, когда она звонила в банк без двадцати два, в два и еще раз в три. В промежутках между обсуждениями она думала о статье, которую читала в журнале: статья рассказывала, как переводить цветные рисунки на керамическую плитку.

Уилфред Саммит пил чай. Он предположил, что Алан ушел на обед.

– Он никогда не ходит обедать, – возразила Пэм. – Ты же знаешь – ты сидел на кухне, когда я делала для него сэндвичи. Кроме того, в банке оставалась бы еще кассирша, Джойс.

– Телефон сломался, – не сдавался Папа. – Вот именно, телефон вышел из строя. А все из-за того, что линии перегружены. Если бы все было по-моему, только ответственным налогоплательщикам старше тридцати лет разрешено было бы ставить дома телефон.

– Не знаю. Думаю, это забавно. Я подожду до половины четвертого и позвоню еще раз.

Папа сказал: мол, помяните его слово, телефон сломан, вышел из строя, ему пришел капут, и такого не случилось бы, если бы власть была у военных, и было бы здорово, если бы воскрес Уинстон Черчилль, и фельдмаршал Монтгомери ему в помощь, добрый старый Монти, конечно, под властью королевы, под властью Ее Величества. А может быть, это просто из-за дождя, который льет как из ведра, льет, как будто наверху трубы прорвало. Пэм не ответила ему. Она размышляла, будет ли цветной рисунок на плитке перманентным или смоется со временем. Она хотела бы попробовать сделать так в своей ванной комнате, но только не в том случае, если рисунок частично смоется, нет, спасибо, это будет выглядеть куда хуже, чем просто белая плитка.

Кто-то позвонил в дверь.

– Надеюсь, это не Линда Китсон, – сказала Пэм. – Я не хочу прекращать глажку и болтать с нею целый час.

Она открыла дверь, и двое полицейских – мужчина и женщина – сообщили ей, что банк ограблен и что, похоже, грабители похитили также ее мужа и Джойс Калвер.

– О боже, о боже, о боже! – воскликнула Пэм и продолжала твердить и иногда выкрикивать это, пока полицейский-мужчина вызванивал Венди Хейшем, а женщина-полицейский делала чай. Пэм залпом выпила чашку чая, вынула из серванта «Бристоль-крим» из дьюти-фри, налила целый стакан и так же залпом осушила его.

Она позвонила также Кристоферу в агентство по недвижимости, и когда он приехал, Пэм уже была в подпитии; она колотила себя кулаками по коленям и выкрикивала: «О боже, о боже!» Ни женщина-полицейский, ни Венди Хейшем не могли ее утихомирить. Кристофер дал ей еще стакан хереса, надеясь, что это ее утихомирит. Уилфред Саммит расхаживал туда-сюда, провозглашая, что повешение слишком хорошо для этих негодяев и отрубание головы тоже слишком хорошо для них. После электрического стула топор палача был его любимым инструментом умерщвления. Он отрубил бы этим мерзавцам головы без суда и следствия, помяните его слово!

Пэм выпила второй стакан хереса и отключилась.

Алан был умнее, чем те, благодаря кому он получил возможность сбежать, и избегал узких дорог. Он встретил несколько легковушек, обогнал трактор и автобус. Дождь лил слишком сильно, чтобы Алан мог разглядеть лица людей в других машинах, поэтому предположил, что и они не рассмотрели его. В баке оставалось не так много бензина, хватит доехать лишь до северного Эссекса и, конечно, придется останавливаться на заправочной станции.

Его тело по-прежнему действовало само по себе, на том уровне сознания, где приходилось решать только практические сиюминутные вопросы. Алан не мог думать о том, что сделал, это было слишком невероятным, и он не желал об этом размышлять. Он сосредоточился на дороге и непрекращающемся ливне. На перекрестке в Хагли Алан свернул на трассу A12 и направился в Колчестер. Счетчик топлива показывал, что бензина осталось угрожающе мало, но через десять минут он уже был на Колчестерской объездной дороге. На развязке свернул налево и поехал через Норт-Хилл. Здесь, по левой стороне, на задворках улицы Сент-Рануолд, была автостоянка – правда, неохраняемая. Алан поставил машину на парковке, вытащил сэндвичи, запер машину и бросил сэндвичи в мусорный бак. Что теперь? Когда его машину найдут, полиция спросит на вокзале и кассир наверняка вспомнит, что он брал билет и был один. Поэтому Алан направился не на вокзал, а на автостанцию и сел на автобус до Маркс-Тей. Там он пересел на проходящий поезд до Лондона. Его плащ, который был когда-то непромокаемым, от старости стал пропускать воду, и костюм Алана уже намок, как и лежащие в карманах деньги. Как только он доберется туда, куда едет, надо будет разложить купюры и высушить их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/rut-rendell/pust-smert-menya-polubit-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

То есть пять купюр по 1 фунту стерлингов и три по 5 фунтов стерлингов. – Здесь и далее прим. пер.

2

Имеется в виду Мария I Тюдор (1516–1558), первая коронованная королева Англии (с 1553); также известна как Мария Кровавая (или Кровавая Мэри), Мария Католичка.

3

Вид злаков родом из Южной Америки. Цветет высокими белыми метелками, поэтому часто используется как декоративное растение.

4

«Агапэ» – древнегреч. ?????, переводится как «любовь», однако написание латиницей (Агаре) носители английского языка могут прочесть и так, как указано далее.

5

Вера Линн (р. 1917) – английская певица, популярная во времена Второй мировой войны.

6

Песня из мюзикла Р. Роджерса «Подруга» (1926).

7

Популярная песня 1930-х гг.

8

«Академия Дотбойс-Холл» – частная школа для мальчиков в произведении Чарльза Диккенса «Николас Никльби», по суровости обращения с учениками сильно напоминает тюрьму.

9

Т. е. около 180 см (1 фут равен 30,48 см).

10

Кокни – коренные уроженцы Лондона.

11

Ярд равен 0,91 м.

12

Кретьен де Труа (ок. 1135 – ок. 1183) – средневековый мастер рыцарского и куртуазного романа.

13

Гвиневера (Гвиневра, Джиневра) – супруга легендарного короля Артура, изменившая ему с Ланселотом, одним из рыцарей Круглого стола.

14

Тристан и Изольда – легендарные герои рыцарского романа XII в.

15

Особая схема краткосрочного кредита.

16

1 пинта равна 0,57 л.

17

Под «кошкой» в данном контексте подразумевается девятихвостая плетка, которой исторически осуществлялись наказания.

18

Настольная игра, в которой из букв составляются слова (аналог русского «Эрудита»).

19

Т. Мэлори. «Смерть Артура» (пер. И. Берштейн).

20

Чичеряка – сленговое именование лица гомосексуальной ориентации.

21

1 дюйм равен 2,54 см.

22

Пьеса Джона Миллингтона Синга, написанная в 1907 г.

23

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. Получила известность во время Крымской войны.

Международная сеть розничной торговли.

Купить: <https://tellnovel.com/rut-rendell/pust-smert-menya-polyubit-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)